

Его НЕВЫНОСИМОЕ ВЫСОЧЕСТВО

—♦ МАГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ЭВЕРХОЛЛ ♦—

ЭВЕРХОЛЛ
МАРКЕТИНГОВЫЕ
СТРАТЕГИИ

АЛИСА ПОЛЯНСКАЯ

—♦ РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ ♦—

Алиса Полянская

Его невыносимое высочество

<https://litres.ru/74047818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Алиса. Вчера я была маркетологом из Москвы, у которой горел дедлайн. Сегодня я - единственная студентка магической академии Эверхолл, у которой нет ни капли магии.

Так все думают.

Мой куратор - Дариан Вейр. Высокомерный, невыносимый, опасный. Лучший боевой маг академии, который получил меня в наказание и не скрывает, что я для него - позор. Мы ненавидим друг друга со дня первой встречи.

Проблема одна: рядом со мной его магия гаснет. И это значит, что моё «отсутствие дара» - на самом деле дар, за который двести лет назад уничтожили целую касту. А тот, кто втащил меня в этот мир, уже знает, кто я.

Он улыбается, наливает мне чай и говорит, что хочет помочь.

Мне нельзя доверять никому. Особенно тому, кого я ненавижу. Особенно - потому что ненавидеть его с каждым днём всё сложнее.

Содержание

Глава 1. Лифт, дедлайн и другие порталы в ад	4
Глава 2. Допрос с комфортом, или как я стала бездарной официально	14
Глава 3. Шесть утра, война объявлена	24
Глава 4. Онбординг в аду, или Первая лекция	32
Глава 5. Огонь, лёд и лишние переменные	41
Глава 6. Что видели двое	51
Глава 7. Гипотеза с неудобными данными	60
Глава 8. Случайности, в которые никто не верит	68
Глава 9. Что делают с вырванными страницами	79
Глава 10. Бал, на котором всё пошло не по плану	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Его невыносимое высочество

Глава 1. Лифт, дедлайн и другие порталы в ад

Есть три вещи, которые я ненавижу больше всего на свете: правки — «давайте вернём как было в первой версии!», людей — которые жуют жвачку с открытым ртом, и лифт нашего бизнес-центра.

Лифт сегодня побеждает с отрывом.

— Ну давай, родной, — говорю я и в очередной раз жму на кнопку девятого этажа. — У меня презентация через сорок минут. Через. Сорок. Минут.

Лифт мигает лампочкой и думает. Я знаю этот взгляд. Так смотрит клиент, которому ты говоришь, что логотип нельзя сделать «побольше и одновременно поминималистичнее».

Меня зовут Алиса Воронова, мне двадцать четыре, я маркетолог, и последние трое суток я живу на кофе, дедлайне и обещании самой себе, что после этого проекта возьму отпуск. Обещание это я даю себе примерно с две тысячи двадцать второго года.

Телефон вибрирует. Начальник. Пишет капслоком, что

клиент приехал раньше и что «АЛИСА ГДЕ ПРЕЗЕНТАЦИЯ». Презентация у меня в ноутбуке, ноутбук у меня под мышкой, а я — в лифте, который завис между третьим и четвёртым этажом и теперь издаёт звук, который лифты издавать не должны.

Звук такой... гудящий. Низкий. Как будто кто-то очень большой взял очень большой бокал и водит пальцем по краю.

— Эй, — говорю я и стучу в дверь. — Алло! Тут люди! Люди с дедлайном!

Свет моргает. Потом гаснет. Потом загорается снова — но не белым, а синим. Глубоким таким синим, как экран смерти, только красивее.

И вот тут, признаюсь честно, мне становится не до презентации.

— Так, — говорю я вслух, потому что говорить вслух в пустом лифте — это нормально, когда лифт светится. — Это перепад напряжения. Сейчас приедут электрики. Я опоздаю, меня убьют, но убьют метафорически, а это терпимо.

Пол подо мной идёт волной.

Полы так не делают. Я маркетолог, а не физик, но это я знаю точно.

А потом стены просто... перестают быть. Не разваливаются, не открываются — перестают. Вместо них — синева, и она везде, и она тянет, как сквозняк, только сквозняк размером с небо. Я успеваю подумать три мысли. Первая: «я сплю на рабочем месте, и это уже было». Вторая: «ноутбук

не урони». Третья, самая честная: «мама».

И я падаю.

— --

Падаю я долго, качественно, с чувством. Где-то на середине падения синева сменяется золотом, золото — белым, белый — очень конкретным каменным потолком с фресками, который стремительно приближается. Точнее, это я к нему... нет, всё-таки он ко мне... в общем, мы сближаемся, и не романтически.

В последний момент что-то мягко дёргает меня в сторону — как будто гигантская рука перевернула меня в воздухе, — и я приземляюсь. Не на камень. На что-то живое.

На кого-то живого.

— ...и да примет Эверхолл новых носителей дара под своды свои... — торжественно гремит чей-то голос и давится концовкой, потому что я только что упала с потолка на церемонию.

Я лежу на ком-то. Подо мной — чёрная ткань, твёрдое плечо и запах грозы, такой, знаете, когда воздух звенит перед молнией. Я поднимаю голову.

Серые глаза. Очень серые. И очень, очень злые.

— Слезь. С меня. Немедленно, — произносит обладатель глаз тоном, которым обычно зачитывают смертные приговоры.

— А волшебное слово? — спрашиваю я.

Это нервное. Когда я в ужасе, я язвлю. Психотерапевт ска-

зала бы, что это защитный механизм. Психотерапевта у меня нет, поэтому механизм работает без техосмотра.

Глаза темнеют. Воздух вокруг нас ощутимо холодеет, и я вдруг замечаю, что у меня изо рта идёт пар. В помещении. Летом. Наверное.

— Волшебное слово, — медленно повторяет он, — в моём исполнении ты не переживёшь.

Чьи-то руки хватают меня сзади и стаскивают — спасибо, потому что сама я, кажется, примёрзла. В прямом смысле: на рукаве у меня иней.

Я стою. Оглядываюсь. И понимаю, что презентация сегодня точно не состоится.

Зал размером с вокзал. Потолок — тот самый, с фресками, и фрески шевелятся: нарисованные драконы переползают с балки на балку и смотрят на меня с осуждением. Вдоль стен — витражи, за витражами — горы, которых под Москвой не водится. Сотни людей в мантиях. У половины над ладонями что-то светится: огоньки, водяные сферы, маленькие смерчи. Один юноша нервно левитирует.

А посреди всего этого стою я. В офисных брюках, блузке с пятном от кофе и с ноутбуком под мышкой.

Ноутбук, кстати, не уронила. Профессионализм не пропёшь.

— Кто, — раздаётся голос с возвышения, — ты. Такая.

Голос принадлежит высокому седому мужчине в мантии цвета ночи. Лицо у него доброе, дедушкино, а вот глаза —

нет. Глаза у него как у инвестора на питче: считают.

— Алиса Воронова, — говорю я. Голос дрожит, но держится. — Маркетолог. Москва. Я ехала в лифте, он засветился, и... Слушайте, это что, корпоративный квест? Это Игорь из отдела продаж заказал? Передайте Игорю, что он покойник.

По залу ползёт шёпот. Слова «Москва» и «лифт» явно не находят аудитории. Зато находит другое.

— Она прошла через портал, — говорит кто-то.

— Порталы запечатаны двести лет...

— Тихо! — седой не повышает голос, но зал гложет мгновенно. Умеет. Уважаю. — Дитя. Подойди.

Идти к нему не хочется до зубовного скрежета, но альтернатив я не вижу. Прохожу сквозь толпу — мантии расступаются, как вода от масла. Тот, на кого я упала, стоит чуть в стороне, скрестив руки, и смотрит на меня так, словно я лично испортила ему день, год и родословную. Высокий, чёрные волосы, лицо такое, что хочется одновременно дать пощёчину и сфотографировать. Ненавижу таких. Такие в офисе всегда оказываются «сыном учредителя».

— Руку, — говорит седой.

— Зачем?

— Затем, что я ректор этой академии, и я хочу понять, что ты такое.

«Что», не «кто». Запоминаю.

Он берёт мою ладонь. Его пальцы сухие и горячие. Над

нашими руками вспыхивает золотая вязь — красивая, как реклама ювелирки, — вспыхивает... и гаснет. Просто гаснет, как будто кто-то выдернул шнур.

Ректор хмурится. Пробует снова. Вязь загорается и умирает.

И вот тогда его лицо меняется по-настоящему. На секунду — меньше, на четверть секунды — в добрых дедушкиных чертах проступает что-то такое, от чего у меня по спине бегут мурашки размером с мышей. Потом это исчезает, и он мягко улыбается.

— Поразительно, — говорит он залу. — В ней нет магии. Совсем.

Зал ахает. Честное слово, ахает — хором, как в плохом сериале. Юноша-левитатор от потрясения падает.

— Бездарная, — роняет кто-то, и слово прокатывается по рядам: бездарная, бездарная, бездарная.

— Попрошу без оскорблений, — говорю я. — У меня, между прочим, два высших и грамота «сотрудник месяца».

Тишина. Ладно. Не та аудитория.

— Этого не может быть, — звучит холодный голос, и я уже знаю чей. Сероглазый делает шаг вперёд. — Через портал не может пройти существо без дара. Это базовый закон. Значит, либо портал открыл кто-то изнутри, — пауза у него выходит хирургически точная, — либо она лжёт.

— Дариан Вейр, — произносит ректор с отеческой укоризной, но мне слышится в ней что-то ещё. Что-то вроде «не

лезь». — Закон гласит и другое: Эверхолл не отпускает тех, кого принял. Она упала под своды академии в день Церемонии. Она остаётся.

— Где? — изумлённо спрашивает Дариан.

— Где?! — изумлённо спрашиваю я.

Мы переглядываемся с одинаковым отвращением. Хоть в чём-то у нас гармония.

— Здесь, — ректор разводит руками, и рукава его мантии распахиваются, как крылья. — До Зимнего Испытания. Испытательный срок, дитя. Покажешь, что способна выжить среди магов, — останешься на полных правах. Нет... — он улыбается, и мне снова мерещится та четверть секунды, — об этом подумаем после.

— А можно вариант, где вы просто открываете лифт обратно? — спрашиваю я. — У меня презентация. У меня кошка. Её зовут Сметана, она не переживёт, если её будет кормить соседка, у соседки рука тяжёлая, она сыплет корм как цемент...

— Порталы, — говорит ректор, и голос его на миг становится стальным, — запечатаны. Двести лет. То, что произошло сегодня, — сбой. Сбои не повторяются.

Врёт. Не знаю, откуда я это знаю, но знаю — так же, как на переговорах знаешь, что «нам нужно подумать» означает «нет», а «бюджет ограничен» означает «бюджета нет вообще». Он врёт, и от этого вранья мне холоднее, чем от инея на рукаве.

— Церемония продолжается! — объявляет ректор. — А наша... гостя... нуждается в кураторе. В том, кто введёт её в мир, которого она не знает, и уберёжёт от мира, который не знает её.

Он обводит зал взглядом. Зал дружно изучает пол, потолок, ползающих драконов — что угодно, лишь бы не встретиться с ректором глазами. Понимаю. У нас так искали ответственного за корпоратив.

И тут взгляд ректора останавливается. Я прослеживаю его — и успеваю увидеть, как красивое лицо Дариана Вейра каменеет.

— Нет, — говорит Дариан.

— Я ещё ничего не сказал, — кротко замечает ректор.

— Вы уже всё сказали. Нет.

— Лучший боевой маг академии. Аспирант. Куратор с опытом, — ректор перечисляет с удовольствием гурмана. — Кто, если не ты, уберёжёт самое... уязвимое существо в этих стенах?

— Я не нянька для бездарных.

— А это, — голос ректора падает на пол-октавы, и температура в зале падает вместе с ним, — не просьба, наследник Вейр.

Слово «наследник» он произносит так, что несколько человек рядом со мной вздрагивают. Дариан не вздрагивает. Он стоит неподвижно секунды три — я считаю, мне страшно, а когда мне страшно, я считаю, — потом коротко накло-

няет голову.

— Как прикажете, ректор Совел.

И поворачивается ко мне. Серые глаза — в упор. В них гроза, ненависть и обещание очень, очень долгого испытательного срока.

— Запомни три правила, бездарная, — говорит он тихо, так, что слышу только я. — Не подходи ко мне без необходимости. Не позорь меня. И не смей больше на меня падать.

— Запомни одно, ваше невыносимое высочество, — отвечаю я так же тихо, потому что страх страхом, а характер характером. — Я здесь не задержусь.

Уголок его рта дёргается — не улыбка, скорее, хищник учуял добычу.

— Вот в этом, — говорит Дариан Вейр, — я с тобой впервые согласен.

Церемония катится дальше: гимны, светящиеся клятвы, парад стихий. Я стою в углу, прижимаю к себе бесполезный ноутбук, как щит, и составляю в голове план. Пункт первый: выяснить, что это за место. Пункт второй: найти того, кто откроет портал. Пункт третий: домой, к Сметане, к дедлайнам, к нормальной жизни, где лифты просто застревают.

План хороший. Чёткий. Выполнимый.

Я почти в него верю — пока не замечаю у дальней колонны чёрного кота. Кот сидит неподвижно и смотрит прямо на меня жёлтыми, совершенно не кошачьими глазами. Так, словно ждал.

И почему-то именно от этого взгляда — не от ректора, не от Дариана, не от шевелящихся драконов — у меня впервые за вечер по-настоящему холодеет внутри.

Кот моргает. Медленно. Как будто здороваётся.

«Привет, — думаю я. — Кажется, у меня проблемы посерьёзнее дедлайна».

Глава 2. Допрос с комфортом, или как я стала бездарной официально

Кабинет ректора пахнет старыми книгами и чем-то тревожным. Чем-то, у чего нет названия, но маркетологи знают этот запах — это запах встречи, на которой тебе уже всё решили без тебя.

Меня провели сюда сразу после церемонии. Не грубо — никаких хватаний за шиворот, только вежливый молчаливый человек в серой мантии, который шёл за мной так уверенно, что я сама свернула туда, куда надо. Высший пилотаж. Взяла на заметку.

Кабинет большой. Стены — до потолка в книгах, только книги живут: перелистываются сами, передвигаются по полкам, одна вяло жуёт угол другой. За окном — горы. Те самые, которых под Москвой нет. Солнце здесь сидит как-то не так, чуть левее обычного, и от этого у меня лёгкое головокружение, которое я методично игнорирую.

Ноутбук я всё ещё держу под мышкой.

— Садись, — говорит ректор Совел. — Ты, должно быть, напугана.

— Я, должно быть, опоздала на презентацию, — отвечаю я, но в кресло сажусь. Кресло тёплое, немного живое — спинка подстраивается под позу, как хорошее офисное,

только без инструкции по сборке. — Слушайте, я понимаю, что у вас тут академия и традиции, но вы не могли бы объяснить, что вообще произошло? По-человечески, без театральных пауз?

Совел садится напротив. Сцепляет руки. Улыбается дедушкиной улыбкой, и я снова замечаю, что улыбка не добирается до глаз — застревает где-то на уровне скул.

— По-человечески, — повторяет он с удовольствием, словно пробует слово на вкус. — Хорошо. Ты провалилась через межмировой портал. Портал, который был запечатан двести лет назад. Такое случается... нечасто.

— Никогда, — уточняю я. — Вы сами сказали, порталы запечатаны.

— Да, — говорит он. — Никогда.

Пауза. Мы смотрим друг на друга. Я думаю о том, что у него очень хороший покерфейс. Он думает о чём-то своём — глаза слегка расфокусированы, как у человека, который просчитывает варианты.

— Значит, это был сбой, — говорю я. — А сбои починяют. Когда?

— Алиса, — произносит он мягко, и от того, что он знает моё имя, хотя я не давала визитку, у меня внутри что-то холодеет. — Давай я скажу тебе правду. Портал закрылся. Он не откроется снова — не сегодня, не на этой неделе. Возможно, не в этом году. Такова природа межмировых разломов: они закрываются окончательно, как только кто-то через

них проходит.

— Как клапан, — говорю я.

— Именно.

— И что это значит для меня конкретно?

Он кладёт ладони на стол. Жест открытый, подготовленный. Так делают переговорщики, когда хотят казаться честными.

— Эверхолл — место для магов. Для тех, кто рождён с даром. Ты, — и вот тут лёгкая пауза, взвешенная, — не маг. Моя диагностика показала: в тебе нет магии совсем. Ни следа, ни искры.

— Это оскорбление?

— Это факт.

— В моём мире тоже нет магии, — замечаю я. — И ничего, живут как-то.

— В твоём мире она не нужна, — возражает он. — Здесь она — воздух. Ты можешь оказаться в ситуации, когда один студент, не рассчитав силу, сожжёт пол коридора. Или зальёт водой весь третий этаж. Без защитного дара ты уязвима так, как никто в этих стенах за последние двести лет.

Я обдумываю это.

— И поэтому вы даёте мне куратора.

— Поэтому, — кивает Совел. — Дариан Вейр — лучший в академии. Он обеспечит тебе... безопасность.

Он делает крошечную паузу перед словом «безопасность». Не знаю, что в ней, но она там есть.

— Он меня ненавидит, — сообщаю я.

— Дариан многих ненавидит. Это не мешает ему делать своё дело.

— Хорошо. А испытательный срок — это что конкретно? Когда Зимнее Испытание?

— Через три месяца. Каждый студент первого года проходит его: проверка навыков, практика, теория. Те, кто проваливается, покидают академию.

Я смотрю на него.

— А если провалюсь я?

— Тебя это пугает?

— Меня это интересует в плане последствий, — уточняю я терпеливо. — Я маркетолог, я люблю понимать риски.

Совел улыбается — по-настоящему, первый раз за разговор, и это почему-то хуже, чем дедушкина маска.

— Способ вернуть тебя домой найдётся. Если ты захочешь.

Вот это «если» мне не нравится категорически. Но я записываю его на внутреннюю доску задач и ставлю флажок «разобраться».

— Значит, три месяца я живу в академии, хожу на занятия, не умираю от случайной магии и прохожу Испытание, — подвожу итог. — Мне нужно: комнату, питание, одежду — потому что в брюках и блузке я не доживу даже до октября, и объяснение, что в этом вашем Эверхолле вообще нельзя делать.

— Всё будет предоставлено. — Совел встаёт, давая понять, что аудиенция окончена. — Мира Эолис, твоя соседка по комнате, введёт тебя в быт. Девочка добрая, разговорчивая.

— Это плюс или предупреждение?

— Это факт, — и снова та же интонация, которой он произнёс «ты не маг». Зеркально.

Я встаю тоже. Пожимаю ему руку — его ладонь сухая, горячая, как на церемонии. Снова чувствую, как что-то внутри меня тихо сжимается, а потом разжимается, словно дальняя комната захлопнула дверь. Совел не показывает, что замечает это. Но зрачки у него на секунду сужаются.

— Алиса, — говорит он мне в спину, когда я уже у двери. — Держись подальше от Запретного крыла. И не задавай вопросов о нулевых.

Я оборачиваюсь.

— О ком?

— О нулевых, — повторяет он с той же мягкой улыбкой. — Это незакрытая страница нашей истории. Некоторые темы... пробуждают в людях нездоровое любопытство. Я бы не хотел, чтобы ты тратила испытательный срок на мёртвые легенды.

— Конечно, — говорю я.

Он врёт. Это я тоже знаю — так же, как с порталом. Мёртвые легенды запрещают только тогда, когда они живые.

— --

Мира Эолис влетает в нашу общую комнату раньше меня и уже ждёт, сидя на кровати, поджав ноги — розовощёкая, рыжая, с косой, переброшенной через плечо. Над её ладонью висит маленький светящийся цветок: она крутит его в пальцах, как другие крутят ручку.

— Ты настоящая! — говорит она вместо приветствия. — Я думала, слухи, но ты настоящая! Та, которая упала с потолка!

— Та самая, — подтверждаю я и опускаю ноутбук на тумбочку. Он выглядит здесь совершенно инопланетно. — Алиса.

— Мира! — она протягивает руку, и я машинально жму, и тут же ощущаю лёгкий тёплый толчок — не электрический, что-то другое, как будто кто-то приложил ладонь к коже и оставил тепло. — Ой, прости, я целительница, это рефлекс — я проверяю, здоровы ли люди, которых вижу первый раз. Ты... — она щурится, — ...устала. Голодная. И у тебя лёгкое магическое ошеломление — бывает, когда человек из безмагического пространства попадает в насыщенную среду.

— Как похмелье?

— Именно! — она восхищена. — Именно как похмелье! Ты быстрая. — Мира соскакивает с кровати и начинает выдвигать ящики. — Вот одежда, академическая форма, тебя уже измерили заочно — ректор прислал запрос хранительнице гардероба. Здесь мантия, практические брюки, рубашки. Туфли вот. Чёрные — для занятий, серые — для всего

остального.

— У вас дресс-код?

— У нас традиции, — говорит Мира с интонацией человека, который с этими традициями не во всём согласен. — Садись, поешь — я принесла с церемонии, там всегда накрывают стол. Тебя, наверное, и на ужин не пустят сегодня, пока не оформят документы.

Я сажусь. Мира кладёт передо мной тарелку с чем-то, что выглядит как пирог, пахнет как апельсин и на вкус оказывается правильным — тёплым, сладко-острым, именно таким, как нужно, когда мир кончился и начался другой.

— Расскажи мне об академии, — говорю я между кусками. — Всё, что надо знать, чтобы не облажаться.

Мира, кажется, только этого и ждала.

— Пять факультетов по стихиям: Огонь, Вода, Земля, Воздух, Свет. Дариан Вейр — Тьма, редкий дар, отдельная категория. Ты никуда не приписана, это нестандартно, тебя будут рассматривать. Занятия начинаются завтра. Завтрак в семь, обед в час, ужин в семь вечера. Библиотека — до полуночи, потом закрывается, но некоторые умеют договариваться с библиотечными духами. Запретное крыло — на четвёртом этаже восточного корпуса, туда правда лучше не ходить, там однажды пропал студент. — Мира делает паузу. — Ну, не совсем пропал. Он вышел. Но стал говорить только стихами, это неудобно в быту.

— Что ещё?

— Дариан Вейр, — говорит Мира отдельно, с нажимом, словно это не имя, а отдельный учебный предмет. — Он невозможный. Умный, как учебник по пяти дисциплинам сразу, холодный, как колодец в январе, и он никогда ничего не делает просто так. То, что ректор назначил его твоим куратором... — она замолкает.

— Что?

— Странно, — говорит Мира. — Совел мог взять любого аспиранта. Дариан — аспирант, но он... не тот человек, которому дают нянечные задания. Это либо наказание, либо...

— Либо?

Мира жмёт плечами, но в глазах у неё что-то думает.

— Либо ты нужна кому-то под присмотром. И Дариан — лучший присмотр.

Я смотрю в тарелку. Записываю на внутреннюю доску задач ещё один флажок: «выяснить, зачем ректор выбрал именно Вейра». Доска задач стремительно заполняется, а я в академии полдня.

В дверь стучат. Мира идёт открывать — и в проёме стоит Дариан. Без мантии: простая чёрная рубашка, рукава закатаны. Смотрит мимо Миры, прямо на меня, и взгляд его — как документ с грифом «к исполнению».

— Завтра. Шесть утра. Внутренний двор, — говорит он. — Если опоздаешь, я не жду.

— Добрый вечер, — отвечаю я. — Приятно видеть вас тоже.

Его взгляд слегка темнеет.

— Шесть утра, — повторяет он. — Это не просьба.

— Интересно, — говорю я. — Ни у вас, ни у ректора ничто не бывает просьбой. Это что, академическая традиция?

Что-то мелькает в серых глазах — почти интерес, убитый на взлёте.

— Ты в Эверхолле, бездарная. Начни привыкать.

Он уходит. Дверь он не хлопает — аккуратно тянет на себя, и это почему-то хуже.

Мира смотрит на меня большими глазами.

— И как ты с ним так?

— Профессиональная деформация, — говорю я и доедаю пирог. — Я работала с трудными клиентами.

— Дариан Вейр — не клиент, — тихо говорит Мира. — Он... — она подбирает слово. — Сложный. По-настоящему. У него история.

— У всех история. — Я встаю и начинаю разбирать гардероб. — Шесть утра — значит, подъём в пять тридцать. Мир, у вас тут будильники магические или как?

Мира смеётся — легко, как будто мой вопрос самый нормальный в мире.

Может, здесь он и правда нормальный.

За окном темнеет — быстро, как будто кто-то задёрнул занавески, и горы становятся тёмными силуэтами на фоне неба, где звёзд слишком много. Совсем не московское небо. Я смотрю на него дольше, чем нужно.

Три месяца. Испытательный срок. Потом домой.

Вот только ректор сказал «если ты захочешь» — и эти три слова звучат у меня в голове на повтор, как трек, который не попросили.

Я гляжу в окно и думаю: что он знает про моё «захочу», чего не знаю я?

Глава 3. Шесть утра, война объявлена

В пять тридцать утра меня будит цветок.

Светящийся, миленький, размером с кулак — Мира вечером прилепила его над моей кроватью со словами «он мягонький, он тебя нежно». Нежно — это, оказывается, когда тебе в ухо поют что-то среднее между колыбельной наоборот и пожарной сиреной, которая прошла курсы вокала.

— Всё, всё, встала! — я машу на него рукой, и цветок, довольный собой, гаснет.

За окном темно, как в переговорке после конца квартала. Я натягиваю академические «практические брюки» (сидят, к слову, лучше моих офисных — плюс один балл Эверхоллу), рубашку, куртку, смотрю на себя в зеркало. Зеркало смотрит в ответ и — честное слово — сочувственно вздыхает.

— Без комментариев, — предупреждаю я.

Возле двери, разумеется, сидит кот. Чёрный, невозмутимый, на том же месте, что вечером, словно и не уходил.

— Доброе утро, охрана, — говорю я. — Сторожил?

Кот поднимается, потягивается и идёт за мной. Не рядом, не впереди — ровно в полтора метра позади, как телохранитель из сериала. По дороге через спящие коридоры я дважды сворачиваю не туда, и оба раза он останавливается и

выразительно смотрит в правильную сторону. К внутреннему двору меня, фактически, доставляет кот. Решаю пока не анализировать, на каком месте в моей жизни это событие по шкале странности. Конкуренция высокая.

Внутренний двор — каменный прямоугольник, окружённый галереями. Иней на плитах. Над восточной стеной только-только разгорается рассвет.

Дариан Вейр уже там. Стоит в центре двора, спиной ко мне, и от его ладони в воздух поднимается ровная спираль тьмы — не дыма, именно тьмы, плотной, как ткань. Красиво, зараза. Не скажу ему этого даже под пытками.

— Ты рано, — говорит он, не оборачиваясь.

— Без двух минут шесть. Это называется «вовремя».

— Для тебя «вовремя» — это рано. Я рассчитывал на опоздание.

— Сожалею, что разрушила вашу стратегию. — Я оста-навливаюсь на краю двора. — Какой был план? Я опаздываю, вы со спокойной совестью уходите и рассказываете ректору, что бездарная безнадёжна?

Тьма над его ладонью гаснет. Он поворачивается — медленно, как поворачиваются люди, которые привыкли, что их ждут. В рассветном полумраке глаза у него почти чёрные.

— План, — произносит он, — проверить, с чем мне приказали возиться. Начнём с простого. Что ты умеешь?

— Смотря в какой сфере. Маркетинговые стратегии, переговоры, аналитика, эксель на уровне бога...

— Что ты умеешь, что поможет тебе не умереть?

— ...эксель на уровне бога, — повторяю я. — Вы удивитесь, скольких людей он довёл до белого каления. Почти убил.

Секунда. Его лицо неподвижно, но в уголке рта что-то на миг вздрагивает — и тут же возвращается на место, как будто мышцу поймали на халтуре и наказали.

— Бегаешь? — спрашивает он.

— За автобусом.

— Дерёшься?

— Словами.

— Щиты, барьеры, отводы глаз?

— Зонтик у меня был. Остался в Москве.

Дариан закрывает глаза. На его лице — вселенская усталость человека, которому вместо боевого отряда выдали хомьяка.

— Великолепно, — говорит он. — Ректор поручил мне сохранить жизнь существу, чьё единственное оружие — язык.

— Между прочим, до вчерашнего дня этого хватало.

— До вчерашнего дня ты жила в мире, где словом нельзя поджечь. — Он делает шаг ко мне, и воздух ощутимо тяжелеет. — Объясняю один раз, бездарная. Это академия боевой и высокой магии. Здесь триста студентов, и каждый — заряженный арбалет. Большинство — с плохой выдержкой и фамильной спесью. Ты для них оскорбление. Сам факт, что ты дышишь этим воздухом, для половины из них — вызов. Тебя

будут проверять. Толкать. Поддавливать. Не потому что ты им интересна — потому что ты безнаказанна. Понимаешь?

— Как новенькая в офисе, где все — родственники директора, — киваю я. — Понимаю быстрее, чем вам кажется.

— Тогда правило первое: ты не остаёшься одна в коридорах после заката. Правило второе: ты не ешь и не пьёшь ничего, что дали лично тебе, а не взято с общего стола. Правило третье...

— Подождите, — перебиваю я. — Второе правило. Это вы сейчас всерьёз? Меня могут отравить? В учебном заведении?

— Отравить — нет, — спокойно говорит он. — Подмешать зелье, от которого ты неделю говоришь только правду, или покрываешься чешуёй, или идёшь ночью на крышу, — да. Шутки у нас здесь весёлые.

— А преподаватели?

— Преподаватели вмешаются. Потом. Когда будет, во что вмешиваться. — Он смотрит на меня в упор. — Правило третье: всё, что ты видишь странного — про меня, про ректора, про эту академию, — ты держишь при себе. Ты ничего не видела, ничего не слышала, ничего не поняла. Любопытство здесь — самая короткая дорога на кладбище.

— У вас и кладбище есть?

— У нас есть мемориальная стена, — говорит он ровно. — Не стремись на неё.

Где-то на галерее хлопает дверь — академия просыпается.

Дариан бросает взгляд на светлеющее небо.

— Теперь беги.

— Что?

— Десять кругов по двору. Раз магии нет, будем развивать то, что есть. Ноги.

— Сейчас шесть утра!

— Уже четыре минуты седьмого. Ты теряешь время.

— А вы?

— А я, — он отходит к колонне и прислоняется к ней с грацией человека, рекламирующего дорогие часы, — буду смотреть и страдать.

И я бегу. Потому что вариантов нет, потому что от бега теплее, и потому что — ладно, признаюсь — где-то на третьем круге я понимаю, что эта скотина права: если меня нельзя защитить магией, меня должны уметь уносить ноги.

На шестом круге лёгкие сообщают, что увольняются. На седьмом я перехожу на то, что у бегунов называется «темп выжившего». Кот сидит на бортике фонтана и наблюдает за мной с выражением глубокого кошачьего разочарования в человечестве.

— Десять, — выдыхаю я, финишируя у колонны, и сгибаюсь пополам. — Всё. Я. Готова. К бою.

— Ты готова к реанимации, — констатирует Дариан. — Дыши носом. Глубже. Не сутулься.

Он подходит и коротко, деловито поправляет мне плечи — через ткань куртки, как тренер, ставящий стойку. И на

секунду мы оказываемся слишком близко: я слышу, как пахнет его магия — грозой, озоном, — и старательно смотрю ему в ключицу, потому что смотреть выше — проигрышная стратегия.

— Вот так, — говорит он и отступает. — Дыхание — твой единственный ресурс. Научись им распоряжаться.

— Записала. Дышать. Революционная методика.

— Завтра в то же время, — говорит он. — И послезавтра. Каждый день, кроме седьмого. Расписание лекций тебе выдаст соседка. На моих занятиях ты сидишь на последнем ряду и молчишь.

— Вы преподаёте?

— Веду практикум у младших. К моему огромному счастью, теперь и у тебя. — Он уже отворачивается, потом останавливается. Не оборачиваясь: — Бездарная.

— У меня есть имя. Алиса.

— Бездарная, — повторяет он с нажимом. — Вчера, на церемонии. Падение с такой высоты должно было переломать тебе половину костей. Тебя что-то замедлило у самого пола. Я почувствовал чужую волшбу — грубую, быструю. Кто-то очень не хотел, чтобы ты разбилась.

— Может, заклинание церемонии? Подушка безопасности для падающих гостей?

— В Эверхолле нет таких заклинаний. — Он наконец поворачивает голову, и в сером взгляде — холодный, жёсткий расчёт. — Тебя ждали, Алиса из Москвы. Кто-то знал, что

ты упадёшь, и подстелил руки. И пока я не выясню, кто и зачем, для меня ты — не жертва обстоятельств. Ты — операция. Чья-то. Хорошо спланированная.

— И поэтому вы согласились меня курировать? — догоняю я. — Не из-за приказа. Вам удобно держать «операцию» на расстоянии вытянутой руки.

Снова этот взгляд — как вспышка интереса, тут же задуманная.

— Не льсти себе. Из-за приказа. — Пауза. — Но ты права: так удобнее.

— Тогда у меня для вас плохая новость, ваше высочество. — Я подбираю с бортика куртку и накидываю на плечи. — Я не операция. Я офисный планктон с ипотечной мечтой, и единственный мой план — выяснить, кто открыл портал, и заставить его открыть портал обратно. Так что у нас, похоже, одно расследование на двоих. Можем враждовать дальше, а можем обмениваться данными.

— Враждовать дальше, — отвечает он без паузы.

— Как скажете. Но когда упрётесь в тупик — мой прайс на консультации вырастет.

Я ухожу с гордо поднятой головой и трясущимися от бега коленями. У арки галереи меня нагоняет его голос — ровный, без насмешки:

— Тот, кто тебя ждал, бездарная, не открыл тебе портал из добрых чувств. В этом мире тебя привели. А скот, который приводят, — он делает паузу ровно той длины, чтобы у меня

по спине прошёл холод, — приводят зачем-то.

Я не оборачиваюсь. Не доставлю ему такого удовольствия.

Но уже в коридоре, привалившись к холодной стене, я позволяю себе признать: его невыносимое высочество только что озвучил вслух то, о чём я сама запрещаю себе думать со вчерашнего вечера.

Меня сюда привели. Не уронили — привели.

И пока я не выясню, кто и зачем, единственный человек в этой академии, который задаёт те же вопросы, что и я, будет считать меня врагом.

Отличное начало испытательного срока. Просто отличное.

Глава 4. Онбординг в аду, или Первая лекция

За завтраком я понимаю, что в Эверхолле работает та же иерархия, что и в любой корпорации. Только наглядней.

Столовая — зал с потолком в облаках. В настоящих: маленькие пухлые облака плавают под сводом, и время от времени из них идёт крошечный дождь, не долетающий до столов, — дизайнерское решение, как объясняет Мира, «для свежести воздуха». Я бы уволила дизайнера, но воздух действительно свежий.

Столы — по факультетам. Огневики — шумные, с подпалинами на руках, у них вечно что-то вспыхивает. Водники — томные, красивые, пьют что-то из высоких бокалов в семь утра. Земляные — основательные, едят много и молча. Воздушники опаздывают всей толпой. Светлые сидят с такими лицами, словно у них у всех ипотека закрыта.

А отдельно, у высокого окна, — маленький стол, за которым сидят четверо. Тёмные. Редкий дар, отдельная каста. И среди них — разумеется — Дариан Вейр, который выглядит так, будто шесть утра во дворе случилось не с ним. Свежий. Отглаженный. Ненавижу.

— Не смотри туда, — шипит Мира, утаскивая меня к нейтральному столу первокурсников. — На тёмных не смотрят.

Это считается вызовом.

— А куда смотрят?

— В тарелку. Первый месяц — только в тарелку.

В тарелке у меня каша, которая сама поддерживает температуру, и булочка, которая — клянусь — пытается выглядеть аппетитнее, когда на неё смотришь. Маркетинговый генний, а не булочка. Беру две.

— Значит, так, — Мира раскладывает передо мной расписание, исчерченное цветными чернилами. — Сегодня у тебя: история магических искусств, основы стихийных потоков и вечером — практикум по защите. История — это безопасно, там старенький магистр Колле, он спит на собственных лекциях. Потоки — это профессор Альдра, она строгая, но справедливая. А вот практикум...

— Дай угадаю.

— Ведёт Вейр, — кивает Мира с сочувствием медсестры, сообщающей, что укол будет в неудобное место. — Младшие группы. Ты приписана к младшим.

— Он в курсе. Он сообщил мне об этом сегодня в шесть утра с интонацией приговора.

— Вы уже виделись сегодня?! — Мира роняет ложку. — И ты жива? И даже ешь?

— Мы тренировались. Если конкретнее: я бегала, он стоял у колонны и излучал презрение. У него отлично получается. Талант.

Через два стола от нас кто-то громко, в расчёте на публи-

ку, произносит:

— Чувствуете? С утра в академии пахнет... ничем. Говорят, так пахнут бездарные.

Смешки. Я не оборачиваюсь, но затылком чувствую направленные взгляды. Говоривший — блондин с лицом человека, которому никогда не отказывали, — продолжает:

— Интересно, её научат хотя бы свечку зажигать? Или сразу выдадут метлу? В смысле, подметать.

Смешки громче. Мира краснеет и набирает воздух — заступаться. Я кладу ладонь ей на руку. Спокойно доедаю булочку. Поворачиваюсь. Улыбаюсь самой тёплой из своих профессиональных улыбок — той, что для клиентов, у которых «есть пара небольших правочек».

— Прости, не расслышала имени, — говорю я.

— Лорд Тервин Альс, — цедит блондин. — Запомни его, бездарная.

— Обязательно, лорд Тервин. — Я киваю. — Понимаешь, в моём мире магии нет вообще. Ни у кого. И знаешь, что мы делаем, когда нужно зажечь свечку? Зажигаем её. Сами. Руками. А теперь страшное: всё, что вы делаете даром, мы научились делать без него. Так что из нас двоих в проигрыше тот, кто без своей искры не зажжёт даже свечку. Но ты не переживай, — я встаю и беру поднос, — если твой дар однажды погаснет, приходи. Научу пользоваться спичками. Бесплатно. По-соседски.

Тишина за столами — звонкая, как бокал. Где-то на краю

её кто-то фыркает от смеха, и я почти уверена, что со стороны стола тёмных. Но когда я бросаю туда взгляд — в нарушение всех правил Миры, — Дариан Вейр сидит с абсолютно непроницаемым лицом и смотрит в окно.

Только костяшки пальцев на его чашке чуть блее, чем нужно. Интересно, это он сдерживает гнев или... нет. Не может быть. Вычёркиваю.

— --

История магических искусств проходит штатно: магистр Колле засыпает на двенадцатой минуте, и конспект за него дописывает зачарованное перо, которое — по-моему — давно ведёт этот курс самостоятельно и считает Колле декоративным элементом.

А вот «Основы стихийных потоков» — это катастрофа. Моя личная, с фамилией и расписанием.

Аудитория — амфитеатр. Профессор Альдра — высокая женщина с сединой, собранной в косу, и взглядом рентгеновского аппарата. На постаменте в центре — чаша с водой, штука вроде факела и горшок с землёй: учебные стихи, как объясняет шёпотом Миры, «прирученные, на них первокурсники учатся чувствовать потоки».

— Сегодня — диагностика восприятия, — объявляет Альдра. — По одному. Подходите, кладёте руки на сферу созвучия, я смотрю вашу проводимость. Это безболезненно, бояться нечего.

Сфера созвучия — шар размером с арбуз, висящий над

постаментом. Внутри переливаются цветные нити: красные, синие, зелёные, золотые. Студенты подходят по очереди, кладут ладони, нити вспыхивают тем или иным цветом — аудитория аплодирует или сочувственно гудит. У Миры шар расцветает мягким зелёно-золотым — «целительский спектр, прекрасная чистота», — и она возвращается на место розовая от удовольствия.

— Воронова, — вызывает Альдра.

Иду. Спиной чувствую взгляды — триста человек ждут бесплатный цирк. В голове, как назло, голос Совела: «Никому — о том, что артефакты на тебе гаснут». А как, интересно, я это скрою, если сейчас...

— Руки на сферу.

— Профессор, — говорю я тихо, — может, не надо? У меня нет магии, мы все это знаем, давайте сэкономим время...

— Дитя, — так же тихо отвечает Альдра, и в её глазах неожиданно нет ни злости, ни любопытства, только усталое внимание, — в этой аудитории сто человек ждут, что ты испугаешься. Не дай им этого. Сфера просто не отзовётся, и ты сядешь на место.

Логично. Убедительно. Я кладу ладони на шар.

Ничего.

Цветные нити продолжают лениво плавать внутри, как рыбки в аквариуме, которым я глубоко безразлична. Ни вспышки, ни искорки, ни самого заваливающего отблеска. Шар висит. Я стою. Сто человек наблюдают самое скучное пред-

ставление в истории этого амфитеатра.

— Полное отсутствие отклика, — констатирует Альдра тоном врача, диагностирующего насморк. — Что и требовалось подтвердить. Садитесь, Воронова. Зачёт по теме «диагностика» — автоматом: вы единственная на курсе, чей результат невозможно оспорить.

— Может, ей дать сферу попроще? — звенит с задних рядов голос Тервина. — Из дерева. С верёвочкой.

— Лорд Альс, — не поворачивая головы, говорит Альдра, — раз у вас остались силы на остроумие, продемонстрируйте курсу управление потоком. Учебный факел. Прошу.

И вот тут начинается катастрофа. Не моя — что приятно для разнообразия.

Тервин спускается к постаменту походкой человека, оказавшего аудитории большую честь. Вскидывает ладонь, тянет поток к факелу — красиво, размашисто, на публику. Слишком размашисто. Я в магии не понимаю ничего, но я пять лет смотрела, как стажёры впервые показывают презентацию совету директоров, и язык тела «сейчас будет позор» читаю свободно.

Факел отзывается. Весь. Сразу.

Столб огня бьёт до потолка, облака под сводом возмущённо вскипают, кто-то визжит, воздушник с первого ряда пытается сбить пламя порывом ветра — и делает ровно то, что делает ветер с огнём, то есть раздувает его до состояния салюта. Горящий лоскут — кусок чьего-то конспекта — пла-

нирует прямо на стопку свитков у кафедр.

Дальше я действую на рефлексах человека, который тушил горящую корзину в курилке офиса. Срываю с плеч форменную мантию, накрываю свитки и прихлопываю. Раз, другой. Дым. Тишина. Альдра одним движением руки гасит остальное — огонь сворачивается, как будто его выключили из розетки.

В наступившей тишине я стою посреди амфитеатра в одной рубашке, с дымящейся мантией в руках, и триста глаз смотрят на меня.

— Что? — говорю я. — В моём мире это называется «пожарная безопасность». Обязательный инструктаж, между прочим. Раз в год.

Пауза. А потом аудитория смеётся — не злобно, по-настоящему, с облегчением, как смеются люди, которые только что чуть не сгорели. Даже Альдра позволяет себе пол-улыбки — первой за лекцию.

— Лорд Альс, — произносит она в сторону Тервина, красного, как его собственный факел, — три отработки в теплицах. Хищным растениям нужен уход, а вам — смирение. Студентка Воронова... — она смотрит на мою погибшую мантию, — зачтено по теме «взаимодействие со стихией». Получите новую мантию у кастелянши. Скажете — я распорядилась.

Я возвращаюсь на место. Мира смотрит на меня сияющими глазами и шепчет:

— Ты только что потушила пожар. Тряпкой. В академии высшей магии.

— Технически — мантией.

— Об этом к ужину будет знать весь Эверхолл!

Она права. Уже на выходе из аудитории я ловлю взгляды. часть — прежние, брезгливые, но часть — новые, озадаченные, как будто люди впервые рассматривают возможность, что бездарная — не значит беспомощная. Не победа. Но первая трещина в стене.

Остаток дня проходит почти мирно: обед (булочки-кокетки, два пункта в мою пользу), лекция по теории, на которой я понимаю каждое пятое слово и конспектирую, как на переговорах с иностранцами — всё подряд, разберусь потом. Кот встречает меня у выхода из аудитории и провожает до комнаты. Я почти привыкла. Это пугает.

А вечером, когда я надеваю новую мантию и собираюсь на практикум, Мира вдруг становится серьёзной.

— Алиса. Сегодняшняя история с факелом... Все будут пересказывать её неделю. И знаешь, кому она уже точно должна в подробностях?

Я знаю. Конечно, знаю.

Практикум по защите. Младшие группы. Ведущий — его невыносимое высочество, которое ясно дало понять: сидеть на последнем ряду и молчать.

Что-то мне подсказывает, что у Дариана Вейра на сегодняшний вечер другие планы на мой счёт.

И что-то мне подсказывает, что молчать не получится.

Глава 5. Огонь, лёд и лишние переменные

Практикум по защите начинается с того, что я занимаю последний ряд.

Строго по инструкции. Стул у самой стены, рядом — Мира, которая героически согласилась посидеть со мной «для морального духа». Дух мой, честно говоря, сейчас что-то среднее между боевым и упавшим: в аудитории двенадцать человек, из них одиннадцать умеют делать магию, а двенадцатая — я.

Дариан входит ровно в семь. Без секунды опоздания и без лишних слов: кладёт на кафедру папку с записями, обводит группу взглядом — профессиональным, ровным, как линейка, — и останавливается на мне примерно на полсекунды дольше, чем на остальных. Не сказать, что это тепло. Не сказать, что это вообще что-то читаемое. Просто — остановился, как останавливаются на задаче, которую ещё не решил, но уже сформулировал правильно.

Сегодня утром на тренировке он был ещё холоднее, чем вчера. Если вчера он был айсберг, то сегодня — уже вся Антарктида, сжатая в человека. Молчание между нами перестало быть удобным: оно стало каким-то плотным, как воздух перед грозой, когда давление уже поменялось, но гром ещё

не ударил. Десять кругов я бежала под его взглядом, который смотрел сквозь меня, как смотрит инженер на нештатное поведение системы: внимательно, без эмоций, с явным намерением разобраться позже. По итогу он сказал ровно семь слов: «выдержи ритм», «не сутулься» и «время». Всё.

Я почти соскучилась по язвительным комментариям. Почти.

Что-то его занимает. Что-то, что он старательно прячет за безупречной академической маской, — но прячет так старательно, что маска почти поскрипывает по швам.

Мне любопытно. Это плохо. Любопытство к Дариану Вейру — это как любопытство к красивой кнопке с надписью «не нажимать». Нажмёшь — сама виновата.

— Сегодняшняя тема, — говорит он ровно, — базовый отвод. Не щит, не барьер — именно отвод: вы не блокируете удар, вы меняете его траекторию. Принцип — как у рычага: минимальное усилие в правильной точке даёт максимальное смещение вектора. Встали. Парами.

Группа приходит в движение. Мира поднимается. На меня — вопросительный взгляд.

— Я посижу, — говорю я.

— Воронова, — произносит Дариан, не глядя в мою сторону, — вставайте.

— Мне нечего отводить. И нечем.

— Вы встаёте для наблюдения. Стоя усваивается лучше, чем сидя. Это физиология, а не магия.

Встаю. Не буду спорить с очевидным.

Следующий час я смотрю, как одиннадцать человек бросятся магическими разрядами и элегантно уклоняются от них. Отвод — это, оказывается, красиво. Не грубо, не мощно, а именно изящно: маленькое движение запястьем, и заряд, летевший в лицо, уходит в сторону на полметра. Как в айкидо, если айкидо было бы сделано из молний.

Дариан ходит между парами, поправляет стойку — точными, короткими прикосновениями к запястью, плечу, локтю, — произносит короткие комментарии без похвалы и без грубости, просто очень точно. «Локоть ниже. Не тяни силу, направляй. Ты не борешься с потоком, ты с ним разговариваешь.»

Это хороший преподаватель. Ненавижу это признавать, но правда есть правда: он видит ошибку ещё до того, как она случается. Видит, как человек напрягает не ту мышцу, как неправильно переносит вес, как теряет концентрацию в начале движения.

Я конспектирую принципы, потому что больше нечего делать, и вдруг понимаю, что рисую схемы: вектор удара, угол смещения, точка приложения силы. Геометрия. Это я понимаю. Это даже без магии понятно.

— Не тем концом конспектируете.

Я вздрагиваю — Дариан стоит рядом, заглядывает в тетрадь. Я и не заметила, как он подошёл.

— Это схемы, — говорю я. — Я понимаю физику, даже

если магии нет.

Он смотрит на мои рисунки секунду. Не насмешливо — просто смотрит.

— Угол неверный, — произносит он и, прежде чем я успеваю возразить, берёт у меня карандаш, кладёт тетрадь на ближайшую кафедру и поправляет стрелку. Три секунды. Возвращает карандаш. — Вот так работает реальный отвод. Векторы правильные, угол падения завышен вдвое.

— Благодарю, — говорю я, потому что это единственное нейтральное слово, которое у меня сейчас есть.

Он отходит. Я смотрю на исправленную схему и думаю: он мог не подходить. Мог не заметить. Мог заметить — и пройти мимо.

Не прошёл.

Тервин тоже здесь. Сидит чуть поодаль от основной группы — он не первокурсник, зашёл «поглядеть», как объяснил при входе, с улыбкой человека, которому никогда не отказывали. Дариан взглянул на него коротко и не возразил: статус лорда, видимо, покупает право присутствовать на чужих занятиях. Большую часть времени Тервин смотрит не на упражнения. Смотрит на меня.

Не с интересом. С расчётом. Это разные взгляды, и я за пять лет в маркетинге научилась их различать без труда: один говорит «мне любопытно, что ты за человек», другой — «я уже придумал, что с тобой делать». Тервиновский — второй.

Делаю мысленную пометку и начинаю аккуратно не оставлять спину без прикрытия.

На двадцатой минуте Тервин тихо поднимается и выходит. Слишком неторопливо — человек, закончивший всё, что планировал. Это меня беспокоит больше, чем если бы он остался.

— --

Практикум заканчивается. Группа рассасывается. Мира отпрашивается к однокурснице — что-то насчёт конспекта, — и я стою у стены, дописываю схемы, пока Дариан разговаривает с двумя студентами у кафедры — что-то техническое, тихо, я не вслушиваюсь.

— Ты та самая бездарная, которая потушила пожар мантией?

Голос — тёплый, насмешливый, с такой непосредственной симпатией, будто мы знакомы двадцать лет. Поднимаю голову.

Парень стоит у дверного косяка. Высокий, рыжеватый, с золотистым загаром кожи, как бывает у людей, которые много времени проводят у открытого огня. Улыбается по-настоящему, не для публики — та широкая улыбка, которая добирается до глаз и там остаётся. Форма академии на нём сидит небрежно, воротник расстёгнут, рукава закатаны, будто он только что вышел с тренировки или и не уходил с неё.

— Та самая, — соглашаюсь я. — Рекламная кампания уже в эфире?

— С утра знает весь корпус. К вечеру — весь Эверхолл. К завтрашнему завтраку история обростёт тем, что ты потушила пожар голыми руками и ещё прочитала лекцию о противопожарной безопасности. — Он отталкивается от косяка и протягивает руку — открытую, без замысла, жест человека, у которого всё легко. — Кай. Второй курс, огневой.

— Алиса. Бездарный факультет, — отвечаю я и жму руку.

Рукопожатие тёплое — буквально: у него чуть выше температура кожи, как у всех огневииков, объяснит мне потом Мира. Нормально, не больно, просто тепло.

— Тервин, небось, уже всем объяснил, что это была случайность, — смеётся Кай.

— Тервин только что ушёл с видом человека, который закончил все дела. Хотя дел я ему не давала.

Кай чуть щурится — взгляд становится чуть серьёзнее, не теряя лёгкости.

— Будь с ним аккуратна. У него долгая память и скверное воображение. И привычка делать так, чтобы неприятность выглядела случайностью.

— Оценила. — Я убираю тетрадь. — Ты друг Вейра?

Он поднимает бровь — скорее удивлённо, чем напряжённо.

— Откуда?

— Потому что именно ты первый подошёл ко мне с дружелюбием в академии, где «бездарная» — это приговор. Либо ты безнадёжный оптимист, либо у тебя есть причина не

бояться последствий. Рядом с Вейром последствий не бояться.

Кай смотрит на меня секунду — оценивающе, но без неприятности — потом смеётся, искренне, с удовольствием.

— Он прав, что с тобой интересно, — говорит он.

— Он сказал, что со мной интересно?

— Нет. Он сказал, что ты «непредсказуемая переменная».

У Дариана это примерно одно и то же. — Кай чуть наклоняет голову. — Если хочешь знать правду — он ни с кем из новых не разговаривает столько, сколько с тобой. Обычно одной фразы достаточно, чтобы человек всё понял и больше не лез.

— Может, я туповата, — говорю я.

— Или, — предлагает он мягко, — ему интересно, что будет дальше.

За спиной у Кая появляется Дариан — из боковой двери, с папкой под мышкой. Останавливается на долю секунды, оценивая картину: Кай у стены, я рядом, между нами полметра и явно непринуждённый разговор.

Лицо у него — идеально непроницаемое. Но желваки на скулах работают.

— Кай, — произносит он ровно, — ты не на своём этаже.

— Я везде на своём этаже, — отвечает Кай с лёгкостью человека, которому это говорят регулярно. — Знакомился с твоей подопечной. Между прочим, она умная.

— Это я заметил. — Взгляд Дариана перемещается ко мне

— быстрый, короткий, как будто он просто проверяет, что я всё ещё здесь и не натворила ничего нового. — Воронова, завтра на час раньше.

— На пять утра?

— Решили добавить растяжку.

— Кто решил?

— Я.

— Консультации населения не было.

— Их не планировалось. — Он уже разворачивается. —

Кай.

— Дариан, — насмешливо откликается тот.

Они обмениваются этими словами с интонациями людей, у которых лет пять такого за плечами, и Дариан уходит — ровно, без спешки, с той же безукоризненной осанкой, что в шесть утра во дворе. Кай смотрит ему вслед и чуть качает головой с выражением нежного кошачьего терпения.

— Я его раздражаю, — говорю я.

— Ты его интересуешь, — поправляет Кай. — Это хуже.

Он умеет игнорировать то, что раздражает. То, что интересуется, — игнорировать не умеет. Просто очень старается.

Мира возвращается, видит Кая и несколько секунд молчит с видом человека, обнаружившего у себя дома непрошеного льва — красивого и явно безопасного, но всё равно неожиданного.

— Кай Эрис, — говорит она наконец.

— Мира Эолис, — откликается он и улыбается ей с той же

непосредственной теплотой. — Ты целительница? Мне однажды поставили диагноз «аллергия на собственное заклинание». Долго искал специалиста.

— Это... физически возможно?

— Нет, — весело поправляет он сам себя. — Оказалось, просто ел что-то не то. Но история хорошая.

И вот так просто у нас появляется Кай — как явление природы, нестрашное и бесцеремонное. Мира размораживается через три минуты. Я — через семь. Это рекорд для нового знакомства в академии, где все остальные пока смотрят на меня как на экспонат, перепутавший витрину.

— --

Вечером, уже в комнате, я замечаю: кот принёс что-то небольшое — листок бумаги, сложенный вчетверо — и положил у порога. Разворачиваю. Пусто. Чистый, но явно побывавший в деле: слабый след от чернил, будто написанное исчезло или было стёрто магически. И на одном уголке — крошечная, едва заметная капля смолы. Как от факельного держателя. Таких в академии много — в коридорах нижних этажей, там, куда первокурсники обычно не ходят.

Я смотрю на Тень.

Тень смотрит на меня.

— Откуда? — спрашиваю я.

Кот моргает медленно, как делают коты, когда считают вопрос риторическим.

Складываю листок и убираю под подушку. Потому что пу-

стой листок, принесённый чёрным котом в академию высшей магии, — это либо ничто, либо что-то, что лучше не выбрасывать, пока не разобрался.

Засыпаю с двумя мыслями. Первая — тёплая, почти неловкая: схема в тетради с исправленным углом. Три секунды. Он мог не останавливаться.

Вторая — холодная, как капля смолы на бумаге: взгляд Тервина, расчётливый и неторопливый. Взгляд человека, у которого уже готов план. Просто время ещё не пришло.

Не люблю, когда время ещё не пришло. Это значит, что оно придёт.

Глава 6. Что видели двое

В два часа ночи я понимаю, что не засну.

Не потому что страшно. Не потому что кровать неудобная — кровать, к слову, идеальная, явно зачарованная под владельца, и это единственная вещь в Эверхолле, к которой у меня нет претензий. Просто мозг работает в режиме открытых вкладок и закрывать их не собирается: Тервин, пустой листок, расчётливый взгляд. Исправленный угол в тетради. Три секунды у кафедры. Пустой листок. Снова Тервин. Снова.

Мира спит тихо и аккуратно — она вообще всё делает аккуратно, даже спит. Тень лежит в ногах моей кровати, свернувшись так плотно, что кажется скульптурой. Я смотрю в потолок ещё минут пять, потом сдаюсь: накидываю мантию поверх пижамы, сую ноги в ботинки — шнурки завязывать не буду, я не сумасшедшая, ночные прогулки по магической академии требуют компромисса между скоростью и приличиями, — и тихо выхожу в коридор.

Тень, разумеется, выскальзывает следом. Молча, как тень и должна.

— Просто прогуляться, — говорю я ему. — Ничего интересного.

Кот идёт рядом. Мне кажется, он не верит.

— --

Нижние коридоры академии ночью — это совершенно другое место. Днём они просто широкие и каменные, ночью — живые, как городская улица в три утра: тихая, но не пустая. Факелы в держателях горят вполсилы, тени за ними дышат. Где-то капает вода. Где-то в стене что-то ритмично щёлкает — часы, механизм, сердце самого замка, я пока не разобралась. Паркет на верхних этажах сменился здесь тёмным камнем, и шаги мои звучат иначе — глуше, будто академия поглощает звук нарочно.

Я иду без цели — просто чтобы устать, чтобы голова переключилась, — и на третьем повороте понимаю, что это за смола на листке. Факельные держатели здесь другие: старые, кованые, с вытекшими тёмными каплями у основания — запах характерный, смоляной, горьковатый. Нижний этаж. Северное крыло, куда нам — я точно помню — на ориентации велели не ходить. «Закрытые архивы и технические помещения», сказал сопровождающий студент третьего курса голосом человека, цитирующего то, во что сам не особо верит.

Я останавливаюсь. Разворачиваться — правильно. Идти дальше — нет. Но коридор впереди не выглядит опасным: широкий, каменный, с теми же факелами. И откуда-то из глубины его доносится звук — еле слышно. Не шаги. Что-то другое: низкий, ровный гул, как от туго натянутой струны, слишком толстой для слуха. Не механический. Живой.

Тень делает два шага вперёд. Оглядывается.

Это, пожалуй, и есть решение за меня — как палец, уже

нажавший кнопку лифта. Я иду дальше.

Коридор поворачивает. За поворотом — зал.

Небольшой, без окон. Стены голые, только четыре факела по углам. А в центре — арка.

Каменная, старая, старше, пожалуй, всего остального в этом замке: камень другого цвета, кладка другой эпохи, и сама арка чуть перекошена, как будто оседала сотни лет и смирилась. На ней нет дверей. За ней — стена. Но стена... живёт. Шевелится чуть-чуть, как поверхность воды, если смотреть под правильным углом, когда периферийное зрение ловит то, чего лобовой взгляд не видит. И именно из неё — этот гул.

Перед аркой стоит ректор Совел.

Я успеваю отступить за угол раньше, чем успеваю осознать, что отступаю. Рефлекс человека, который не хочет объяснять своё присутствие там, где его присутствие необъяснимо. Прижимаюсь к стене. Сердце у меня сейчас работает значительно интенсивнее, чем рекомендовано инструкцией.

Совел стоит спиной ко мне. На нём не академическая мантия ректора, а что-то тёмное, дорожное — без знаков отличия, без золотых нашивок. Как будто официальная часть его личности осталась на вешалке в кабинете. Он что-то делает с аркой: поднял руку к камню, проводит по нему ладонью медленно, внимательно, как проводят по поверхности карты в поисках нужной точки. Гул меняет тон — выше, ниже, снова выше, как настройка инструмента. Как проверка.

Проверка чего?

Я стою, не дышу, и думаю о том, что ректор сказал мне прямым текстом: «никому — об артефактах». И о том, что Дариан сказал мне прямым текстом: «всё странное — держи при себе».

Это определённо странное.

— Дыши, — произносит кто-то у меня над левым ухом.

Я не кричу. Это, пожалуй, лучшее, что я сделала за последние два дня. Поворачиваю голову — очень медленно, как поворачиваются, когда хотят сохранить лицо.

Дариан Вейр стоит в паре шагов от меня. У той же стены, в той же тени. В тёмном, не форменном — тёмные брюки, куртка, ни капли академической безупречности. Волосы не так, как днём: чуть растрёпаны, будто торопился или думал о другом. И смотрит он не на меня — на зал.

— Тихо, — добавляет он, почти без звука, одними губами.

Я тихо.

Мы стоим рядом у холодной каменной стены и смотрим, как ректор Эверхолла проводит ладонью по запечатанной арке в два часа ночи. Тень сидит у моих ног и смотрит туда же с выражением существа, которое знает значительно больше, чем хочет показать.

Совел опускает руку. Отступает на шаг. Молчит секунду — смотрит на арку, как смотрят на что-то, что не ведёт себя так, как ожидалось: с лёгкой досадой профессионала, которому задание не поддаётся с первого раза. Потом разворачи-

вается.

Я вжимаюсь в стену. Тень рядом со мной растягивается, плотнеет — или мне это кажется. В академии тьмы тени надёжнее, чем в обычном мире. Я на это очень надеюсь.

Совел идёт в другую сторону. Шаги стихают. Гул за аркой ещё несколько секунд держится — ниже, тише, — потом гаснет. Будто что-то уснуло обратно.

Тишина.

Мы с Дарианом смотрим друг на друга.

Первые несколько секунд — просто молчим. Он изучает меня с видом человека, который мысленно произносит несколько нехороших слов, но вслух говорит другое.

— Какого дьявола ты здесь делаешь? — произносит он наконец. Тихо. Очень тихо — не для тишины, а для того, чтобы я не могла определить, злится он или просто устал.

— Не спалось, — отвечаю я с той же тихостью. — Вышла прогуляться.

— В закрытое крыло.

— Коридор не выглядел опасным.

— Это закрытое крыло, Алиса.

Он называет меня по имени не с ударением, а просто — как называют, когда другого варианта нет, когда другое слово звучало бы неправдой. Я отмечаю это и убираю в ту же папку, что и исправленный угол в схеме.

— Ты тоже здесь, — говорю я. — Что-то не слышу объяснений.

— Я — другое дело.

— Это не объяснение. Это утверждение.

Он замолкает. Смотрит на арку — уже пустую, уже молчащую — с выражением, которое я не могу прочесть. Потом переводит взгляд на меня, и в нём есть что-то, чего не было раньше: не злость, не расчёт. Что-то острее.

— Что ты видела? — спрашивает он.

— То же, что и ты.

— Что именно.

Это не вопрос — интонация приказа. Я замечаю это и отвечаю не из подчинения, а потому что мне важно выверить, что мы видели одно и то же.

— Ректор, — говорю я. — Арка. Руки на камне. Гул — как от чего-то натянутого или запечатанного, и оно реагировало на его прикосновение. За аркой не стена. Там что-то есть. Поверхность движется.

Долгая пауза. Он смотрит на меня — внимательно, как смотрит на практикуме: ищет ошибку, ищет то место, где конструкция не сходится. Не находит.

— Хорошо, — произносит он наконец. — Значит, так. Ты не видела ничего. Я не видел ничего. Мы оба были в постелях и сейчас туда возвращаемся. Это закрытая тема.

— Как мило. А взамен?

— Взамен — то же самое с твоей стороны. Я не докладываю, что ты нарушила запрет на посещение закрытого крыла. Ты не упоминаешь меня. Ни слова — никому, понимаешь?

Не Мире, не этому огневику, который нашёл тебя сегодня вечером...

— Каю.

— Ему в первую очередь. — В голосе — что-то похожее на жёсткость, но под ней, как мне кажется, не злость, а что-то ближе к беспокойству. — Это серьёзно, Алиса. Серьёзнее, чем тебе кажется.

— Мне кажется, что это очень серьёзно, — отвечаю я ровно. — Именно поэтому я хочу понять, что здесь было. И почему ты здесь. И давно ли ты здесь.

Пауза — короткая, но выразительная, как запятая в предложении, которое могло бы стать другим.

— Достаточно давно, — говорит он.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Арка за нашими спинами молчит.

— Ты следил за ним, — говорю я. Не вопрос. — Не за мной. Ты был здесь раньше меня. Я тебя не привела, ты пришёл сам. С другой стороны, со своего маршрута — ты не шёл за мной по коридору.

Ни подтверждения, ни отрицания. Только взгляд — серый, в темноте почти чёрный, — который говорит: ты умнее, чем удобно. Молчание — как согласие, только с большей вероятностью отрицания в случае необходимости.

— Значит, — продолжаю я, — у тебя уже есть вопросы. Про ректора. Про арку. И ты их задаёшь сам себе не первый раз.

— Воронова, — произносит он наконец, — мы договорились?

— Мы договорились, — соглашаюсь я. — Молчу. Ты молчишь. Закрытая тема. — Пауза. — Но у нас одно расследование на двоих, ваше высочество. Хочешь не хочешь. Ты же сам сказал мне в первый день: кто бы меня сюда ни привёл, он знает, что я здесь. Это ты сказал. И мне кажется — ты уже знаешь, кто.

Что-то на его лице — почти неуловимое. Не подтверждение, но и не опровержение. Просто — момент, когда маска чуть-чуть ближе к лицу, чем к воздуху между ними.

— Иди, — говорит он.

Я иду. Тень идёт рядом. На лестнице я оглядываюсь — рефлекс — и вижу только пустой коридор: ни Дариана, ни его тени. Будто его и не было.

Но он был. И он пришёл туда раньше меня. Со своим маршрутом, со своими вопросами. С ответами, которые пока держит при себе.

И ректор Эверхолла ночью щупает стену, которая на самом деле не стена.

Это, конечно, можно было бы объяснить. Наверное. Если очень постараться и закрыть глаза на половину фактов. Но я маркетолог, и у меня профессиональная аллергия на «объяснить себе то, что выгодно объяснить».

В комнате Тень прыгает на кровать, сворачивается у ног и засыпает с видом кота, выполнившего работу. Я лежу в тем-

ноте и думаю: у нас одно расследование на двоих. Он это знает. Я это знаю.

Осталось выяснить, кто из нас двоих решится заговорить первым. И что будет, когда заговорит.

Глава 7. Гипотеза с неудобными данными

На пять утра двор выглядит совсем иначе, чем в шесть. Это открытие я совершаю с видом человека, которого вытащили из постели незаконно: в пять утра здесь нет никого, кроме холода, ворон и Дариана Вейра, который уже стоит у тренировочной черты в тёмной форме и смотрит в пространство с выражением человека, думающего о чём-то совсем другом.

Нас разделяет примерно десять метров и ночь с ректором у запечатанной арки.

Мы оба делаем вид, что её не было.

Я нарочно топаю немного громче. Предупреждение. Он не вздрагивает — разумеется, не вздрагивает, такие люди принципиально не вздрагивают, — но поднимает голову и смотрит на меня с тем выражением, которое я уже умею переводить без словаря: «ты на тридцать секунд опаздываешь».

— Я точно в пять, — говорю я первым делом. — Часы во дворе отстают.

— Стойка, — отвечает он, как будто я ничего не говорила.

Стойка, оказывается, это не поза из кино. Это сорок минут распределения веса, угла плеч, линии позвоночника. «Маг без правильной стойки, — объясняет он, обходя меня

с видом инспектора по технике безопасности, — теряет на отдаче до трети мощности». Я прилежно запоминаю это, хотя нет ни отдачи, ни магии. Но стойка — физика. Физику я понимаю.

— Ноги шире, — говорит он.

Раздвигаю.

— Ещё.

Раздвигаю.

— Стоп. Держи.

Держу. Ноги недовольны. Спина, которая ещё недавно не знала, что такое «пять утра во дворе», недовольна отдельно и с претензиями.

— Плечо.

— Которое?

— Левое. Выше.

Тяну левое. Что-то в районе лопатки откликается недобрым сигналом. Дариан обходит меня ещё раз и смотрит с другой стороны — как смотрят на конструкцию, в которой один элемент не хочет вставать на место.

— Запястье неправильно.

Он берёт моё запястье.

Левой рукой. Там, где рукав слегка съехал вниз и открыл кожу чуть выше ладони — его пальцы ложатся туда, на три сантиметра голого запястья, и происходит то, что случилось на церемонии, когда я упала прямо на него. Тишина. Не снаружи — изнутри. Что-то, о существовании чего я не подо-

зревала, замолкает. Фоновый шум, который был всегда и поэтому был частью нормы. Исчезает. На две секунды.

Он поправляет запястье — буквально полтора сантиметра влево.

Отпускает.

Мы оба смотрим на своих подопечных — мои ноги, его руки — и занимаемся исключительно правильностью позиции.

— Вот так, — говорит он. Нейтрально. Деловито.

— Ясно, — отвечаю я. Так же.

Мы оба лжём. Это понятно нам обоим — и именно поэтому мы оба молчим.

— --

Следующий час я работаю над стойкой и слушаю короткие инструкции. Он ходит вокруг, исправляет словами. «Бедро назад. Локоть ниже. Не заваливайся». Один раз подходит поправить угол плеча — и делает это через ткань, аккуратно, не касаясь кожи.

Это не случайность. Он тестирует. Разница между «через ткань» и «напрямую». Проверяет, нужен ли именно прямой контакт.

Я думаю об этом, пока держу стойку и притворяюсь, что думаю только о стойке.

На церемонии, когда я рухнула на него с потолка, — было похожее. Он тогда отстранился с выражением человека, обнаружившего данные, которые не вписываются ни в одну

рабочую модель. Отстранился — и запомнил. И теперь, судя по поведению, гипотезу проверяет. Систематически. Без моего разрешения, но, к слову, и без злого умысла — это видно по тому, как он это делает: не скрытно, не грубо, а вот так: «запястье неправильно», взял, поставил, отпустил.

Как лаборатория, в которой я являюсь образцом. Это немного обидно, но я не уверена, что у меня есть право жаловаться.

— Достаточно, — говорит он. — Бег.

— --

Бег — это пять кругов по периметру двора. Я бегу, он — рядом и чуть впереди, темп задаёт он. Ворона на парашюте провожает нас взглядом с сочувствием. Тень сидит у входных ворот и, кажется, засыпает на ходу — или притворяется, что засыпает, это с ним иногда трудно различить.

На третьем круге Дариан говорит, не оборачиваясь:

— В первый раз ты что-нибудь почувствовала?

Я не замедляюсь.

— Уточни «первый раз».

— Ты знаешь.

— Хочу услышать формулировку от тебя.

Молчание — шагов двадцать.

— Церемония. Падение. Ты — на мне.

— Тишина, — говорю я. Потому что это правда, и отрицать было бы глупо. — Как будто что-то очень тихое замолчало. Секунды две.

Он молчит. Полкруга. Туман над двором начинает светлеть — где-то за стеной академии поднимается солнце, которое мы не видим, но угадываем по серению неба.

— Сегодня то же самое, — продолжаю я. — Только в этот раз ты уже не случайно.

Молчание — уже не отрицательное. Утвердительное.

— Что именно ты почувствовал? — спрашиваю я.

Ещё полкруга. Кажется, вопрос требует времени — не потому что он не знает ответа, а потому что не уверен, что хочет его произносить вслух.

— Потерю, — говорит он наконец. — Как будто ты забираешь. Не отталкиваешь — берёшь. На мгновение.

Я думаю об этом. Солнце за стеной поднимается. Ворона на парапете улетает — куда-то по своим вороньим делам.

— Мне казалось, что у меня нет магии, — говорю я.

— Или есть другая.

Это «или» звучит как гипотеза исследователя, который не позволяет себе выводов раньше данных. Я отмечаю это.

— Ты думал об этом с церемонии?

— Я думал об этом с церемонии.

— И?

— И данных недостаточно. Пока.

— Поэтому ты добавил пять утра.

Он бросает на меня короткий взгляд — что-то в нём есть, не раздражение и не насмешка, что-то более спокойное.

— Отчасти.

Я смотрю прямо перед собой. Последний круг. Двор начинает светлеть — медленно, неохотно, как осеннее утро и должно.

— Мне нужно знать одну вещь, — говорю я.

— Спрашивай.

— Ты докладываешь ректору о тренировках?

Пауза — меньше секунды, но я её слышу.

— Общий прогресс, — говорит он. — Без деталей.

— О том, что происходит при касании, — ты не доложил?

— Нет.

— Почему?

Молчание — длиннее.

— Потому что сам не понимаю, что это, — говорит он наконец. — И не привык докладывать то, чего не понимаю.

Это, в его исполнении, сложно отличить от честности. Я принимаю это за честность условно — потому что доказательств обратного нет, а не потому что слепо доверяю.

Мы останавливаемся у фонтана. Я перевожу дыхание. Он — нет, конечно, он не переводит дыхание после пяти кругов, это было бы слишком по-человечески.

— Договор, — говорю я.

Он смотрит на меня.

— О том, что происходит при касании, — никому. Ни Мире, ни Каю, ни ректору. Пока мы сами не разберёмся.

— Это уже договор с прошлой ночи, — говорит он.

— Тот был про ректора и арку. Этот — про касание. От-

дельные пункты одного соглашения.

Он смотрит на меня ещё секунду — тем взглядом, которым смотрят на задачу, в условии которой слишком много неизвестных, но отказаться от неё нельзя.

— Принято, — говорит он. — С условием: если найду объяснение — сообщаю тебе первой. Раньше любых действий.

— Я на то же согласна.

Тень, который всё это время сидел на краю фонтана с видом нотариуса при подписании договора, моргает медленно и отворачивается. Дело решено.

— --

На занятиях в этот день я конспектирую лекцию по истории магических традиций и думаю о двух вещах параллельно. Первая: что именно он почувствовал — «потерю», «берёт», «на мгновение». Это звучит не как сбой. Это звучит как механизм. Вторая: ночью Тервин ушёл с видом человека, закончившего дела. А он ещё не появился ни на одном общем занятии с тех пор.

Это не обязательно значит что-то плохое.

Это почти наверняка значит что-то плохое.

Вечером я возвращаюсь в комнату и открываю учебник истории магических дарений — тот самый, который уже ли-стала однажды. Нахожу раздел о классификации дарований. «Дары делятся на созидательные, разрушительные и...» — страница обрывается. Следующая начинается с нового раз-

дела. Между ними — несколько листов вырваны. Аккуратно, по линейке, давно: края пожелтели.

Я смотрю на Тень. Тень смотрит на меня.

— Ты, случайно, не знаешь, что там было написано? — спрашиваю я.

Кот моргает с видом человека, у которого есть мнение, но который принял решение его не высказывать.

Я закрываю учебник. Положу вопрос на полку с прочими — туда, где уже стоят ректор, арка, пустой листок со смолой и «потеря» в голосе Дариана Вейра.

Полка заполняется быстрее, чем мне нравится.

Глава 8. Случайности, в которые никто не верит

Тервин появляется на следующий день. Как ни в чём не бывало — за обедом, в трапезной, с двумя однокурсниками и с той же медленной улыбкой человека, у которого всё под контролем. Мира, сидящая рядом со мной, чуть опускает ложку.

— Он смотрит на тебя, — говорит она тихо.

— Я заметила.

— Нехорошо смотрит.

— Это я тоже заметила.

Я ем кашу. Тервин разговаривает с кем-то из своих, смеётся чему-то, не смотрит больше в мою сторону. Это хуже, чем когда смотрит: взгляд можно отследить, отсутствие взгляда — нельзя.

Кай, появившийся за нашим столом примерно через пять минут с подносом и вопросом «здесь свободно?» — риторическим, судя по тому, что он сел, не дожидаясь ответа, — проследил за направлением моего взгляда и тоже оценил Тервина.

— Долго его не было, — сказал он. — Два дня. На занятиях не появлялся.

— Готовился, — предположила я.

— К чему?

— Понятия не имею. Именно это меня и беспокоит.

Кай посмотрел на меня — внимательнее обычного. Тот самый взгляд, когда человек откладывает шутку и берёт серьёзность.

— Держись от него подальше, — сказал он. — Просто так. Без деталей.

— Совет принят. — Я убрала тарелку. — Но «подальше» — это в идеальном мире. А я живу в академии, где у него тот же коридор до занятий.

Кай не ответил. Только снова взглянул на Тервина — уже другим взглядом, таким, который между людьми означает «я запомнил».

— --

Это случается на третий день после пакта.

Я иду из библиотеки к главному корпусу. Одна — Мира осталась сдавать зачётный конспект, Кай на своём занятии по огневым потокам. Обычный маршрут: через западный двор, мимо каменного парапета, вниз по широкой лестнице между двумя башнями.

Двор полупустой — несколько студентов пересекают его в разных направлениях, кто-то у парапета разговаривает, кто-то спешит с книгами. Обычный день. Тень идёт рядом — он всегда идёт рядом, я уже перестала этому удивляться.

Тервина я замечаю, когда он уже у лестницы. С тремя однокурсниками — все с того же курса, лорды с именами, ко-

которые я не запомнила. Они стоят у перил, переговариваются. Один из них что-то делает руками — тренируется, судя по всему: небольшой плетёный разряд, который он перебрасывает с ладони на ладонь, ловит, снова перебрасывает. Развлечение. Студенческое.

Я иду к лестнице. Маршрут прямой. Обходить — значит крюк в три минуты через восточное крыло, а у меня через полчаса занятие.

Тервин поднимает взгляд, когда я подхожу. Улыбается — широко, с той ленивой любезностью аристократа, которому вежливость обходится дёшево, потому что ни к чему не обязывает.

— Воронова, — говорит он. — Как раз кстати.

— Кстати для чего? — спрашиваю я.

— Ни для чего, — отвечает он с улыбкой. — Просто выражение.

Я прохожу мимо. Лестница — три пролёта, нижний двор, потом в корпус. Простой маршрут.

Потом всё происходит очень быстро.

Разряд — тот, которым играл однокурсник Тервина, — вдруг срывается не с его руки. Это не потеря контроля, это выброс: резкий, направленный, как будто кто-то ткнул в него сбоку или дёрнул за нужную нить. Разряд летит поперёк двора — плотный, искрящийся, такой, что воздух вокруг него чуть дрожит.

Прямо туда, где я стою.

Я не успеваю среагировать. Я вообще не понимаю, что происходит, быстрее, чем за секунду, а секунды нет. Есть только внезапный сильный толчок в правое колено снизу — Тень, который ударил меня головой под ногу с такой силой, что я делаю неловкий шаг вправо, спотыкаюсь, инстинктивно приседаю, и разряд проходит точно там, где только что было моё плечо.

Искры рассыпаются о каменные перила. Запах горячего камня и чего-то похожего на озон.

Я стою на одном колене у лестничных ступеней и думаю: это только что было моё плечо.

Несколько секунд двор молчит — тем особым молчанием, которое бывает после чего-то внезапного, когда все присутствующие синхронно обрабатывают произошедшее.

— Прости, — говорит однокурсник Тервина. Голос правильный: смущённый, торопливый, человек, которому неловко за случайность. — Вырвалось. Совсем. Ты в порядке?

— В порядке, — говорю я. Поднимаюсь. Колено болит — Тень весит не так уж мало, когда бьёт в галопе. — Всё нормально.

Тервин смотрит на меня. Его лицо — сочувствие, беспокойство, идеально подобранный набор правильных эмоций, как у человека, отработавшего сценарий до автоматизма. Но в глазах — нет. В глазах что-то другое. Не разочарование — что-то расчётливее. Переоценка.

— Надо быть осторожнее, — говорит он мне. — Магические разряды непредсказуемы. Особенно для тех, кто к ним не привык.

— Учту, — отвечаю я.

Поднимаю Тень — он позволяет, только недовольно жмурится, — и иду дальше. Не торопясь. Потому что торопиться — значит показать, что испугалась.

Я испугалась. Но это не его дело.

— --

Мира узнаёт сразу — в академии, как я уже поняла, информация распространяется быстрее звука и почти со скоростью сплетни. К тому моменту, как я добираюсь до занятия, кто-то уже успел рассказать кому-то, и Мира встречает меня у аудитории с выражением человека, который слышал версию и хочет настоящую.

— Разряд? — спрашивает она.

— Разряд.

— Случайно?

— Очень убедительно случайно.

Мира молчит секунду. Потом произносит слово — тихо, но с чувством, — которое я не ожидала от человека с такой мягкой внешностью.

— Целительская лексика, — объясняет она. — Когда пациент сам себе вредит. Не смотри так.

— Не смотрю.

— Тень тебя вытащил?

— Да. Практически в буквальном смысле — снизу в колено.

Она смотрит на кота, который сидит у стены с видом профессионала, выполнившего работу. Потом смотрит на меня.

— Ему уже двести лет, — говорит она. — Условно. Если он кот академии, то он помнит всё, что здесь происходило.

— Пауза. — И он ходит именно за тобой.

— Мира.

— Это не осуждение. Это наблюдение.

— Я знаю, — говорю я. — Я тоже наблюдаю. Просто пока не понимаю, что именно.

— --

Дариан узнаёт к вечеру — точно раньше, чем я ему говорю, и точно не от меня. Это я понимаю по тому, как он смотрит на меня, когда я прихожу на вечерний практикум: не с дежурной прохладой аспиранта-куратора, а с чем-то острее. Взгляд человека, которому только что сообщили что-то, что он не должен был услышать, — и который теперь раздражён одновременно на источник информации, на ситуацию и, кажется, на саму себя за то, что раздражён.

Он ведёт занятие. Нормально, ровно, без отклонений. Но между заданиями — когда группа разбивается на пары и начинает работать, — он подходит ко мне.

— Западный двор, — говорит он. Тихо.

— Западный двор, — соглашаюсь я.

— Ты в порядке?

— Разряд прошёл мимо. Тень выбил меня из траектории.

Он смотрит на кота — Тень сидит у стены с видом существа, которое не причастно ни к чему и вообще просто здесь проходило. Потом смотрит на меня. В его глазах — то, что я с некоторым трудом классифицирую как злость. Не показную, не риторическую. Настоящую — тихую и холодную, как кипяток, который перестал пузыриться.

— Ты видела, кто направил разряд?

— Официально — никто. Вырвалось само.

— Вырвалось.

— Очень убедительно вырвалось.

Пауза. Он отворачивается — смотрит на группу, на пары, отрабатывающие отвод, — и несколько секунд молчит. По профилю — та же ровная линия, что всегда. Но что-то в осанке не то. Чуть больше напряжения, чем нужно. Как у человека, который держит под контролем то, что не хочет держать.

— Почему тебя это злит? — спрашиваю я тихо.

— Меня это не злит.

— Ладно. Почему тебя это не злит именно таким образом?

Он бросает на меня взгляд — короткий, как вспышка, — и что-то в нём читается секунду, прежде чем задёрнуться обратно.

— Ты студент под моим кураторством, — говорит он наконец. Ровно. — Что происходит с людьми под моим кура-

торством — моя зона ответственности.

— Разумеется, — соглашаюсь я. Потому что это правда. И потому что под этой правдой сейчас есть ещё что-то, что он не произносит, и оба это знаем.

Он смотрит снова на группу.

— Тервин был там?

— Стоял рядом.

— Что именно ты видела?

Я рассказываю — коротко, без интерпретаций, только факты: разряд, направление, угол, скорость. Кай говорил, что Дариан думает точнее, когда получает данные, а не выводы. Я проверяю эту теорию.

Он слушает, не перебивая. Потом произносит:

— Разряд не вырывается под таким углом случайно. Для этого нужно было приложить боковое усилие в конкретной точке.

— Я тоже это подумала.

— Значит, кто-то из них знал, что делать, и когда.

— Значит, они знали, что я пойду этим маршрутом.

Пауза.

— Ты каждый день ходишь этим маршрутом из библиотеки, — говорит он.

— Да.

Это объясняет — как наблюдение объясняет возможность. Не как доказательство объясняет умысел. Но разница между наблюдением и умыслом у Тервина сейчас, кажется,

очень небольшая.

— Меняй маршрут, — говорит Дариан.

— Хорошо.

— Каждый день другой.

— Поняла.

— И — - он обрывает себя на полуслове.

Я жду.

— Ничего, — говорит он.

Это «ничего» звучит как что-то. Как незаконченное предложение, которое он решил не заканчивать вслух.

Я не тороплю. Он возвращается к группе — поправляет чью-то стойку, произносит несколько слов, снова обходит пары. Профессиональный, ровный, безупречный. Ни одного лишнего движения.

Только когда занятие заканчивается и студенты начинают расходиться, он говорит мне — не оборачиваясь, уже у кафедры, сворачивая записи:

— Следующий раз, когда пойдёшь из библиотеки одна, — скажи мне заранее.

— Это забота о студенте под кураторством?

— Это здравый смысл.

Я смотрю на его спину — прямую, безупречную, в тёмной форме аспиранта.

— Хорошо, — говорю я.

Он кивает — не оборачиваясь. Это уже почти тепло. В его исполнении это, пожалуй, и есть тепло.

Ночью я лежу в темноте и думаю о двух вещах.

Первая: Тервин потратил два дня на подготовку. Два дня — на что? Выбрать время? Договориться с однокурсником? Выследить маршрут? Это много для «просто пакости». Это мало для «серьёзного намерения». Где граница — я не знаю. Кай говорил: долгая память и скверное воображение. Привычка делать так, чтобы неприятность выглядела случайностью. Одна неприятность или следующая в ряду?

Вторая вещь — злость Дариана. Та, которую он назвал «зоной ответственности» и которая не совсем это. Не потому что я думаю о нём лучше, чем стоит. А потому что пять лет работы с людьми учат различать, когда человек злится по долгу — и когда злится вопреки себе.

Он злился вопреки себе. Это интересно. Это очень неудобно — для него, кажется, в первую очередь.

Тень лежит у моего плеча. Тяжёлый, тёплый, живой. Я провожу рукой по его спине — он не мурлычет, просто позволяет. Коты академии, видимо, мурлыкают только по особым случаям.

— Ты мне жизнь спас, — говорю я ему тихо.

Он открывает один глаз. Зелёный, блестящий, внимательный.

— Или плечо. Но всё равно. Спасибо.

Кот закрывает глаз.

Я смотрю в потолок и думаю: это была случайность? Или

первая попытка? И если первая — что значит, что будет вторая?

Ответа нет. Пока. Но вопрос уже лежит на той самой полке рядом с ректором, аркой, вырванными страницами и тишиной в запястье при чужих пальцах.

Полка трещит.

Глава 9. Что делают с вырванными страницами

Библиотека Эверхолла не любит студентов с вопросами.

Это не метафора. Это наблюдение, которое я сделала за три недели: библиотека любит студентов с заданиями, со списками обязательной литературы, с конкретными шифрами на бумажке. Такие студенты приходят, берут нужное, уходят — и библиотека им довольна. Студенты с вопросами нарушают какой-то внутренний порядок, который я не совсем понимаю, но чувствую в том, как полки чуть сдвигаются, когда проходишь мимо, как свет между рядами меняется — становится теплее там, где тебе не нужно, холоднее там, где нужно именно сейчас.

Три раза я теряла нужный раздел. Находила его там, где его точно не было пять минут назад.

Сегодня я пришла с конкретной задачей. Что не отменяет того, что библиотека, судя по всему, считает иначе.

Нулевые.

Слово, которого не существует в официальном словаре. Раздел «классификация магических дарований» в учебнике истории — с вырванными страницами между «разрушительными» и «прочими». Альдра, которая говорила об амулетах, не живущих на мне, и смотрела так, как смотрят на что-то,

о существовании чего давно знали и всё равно не ожидали увидеть. Дариан, у которого при касании моей кожи уходит сила — и который говорит «берёт», и молчит, и систематически проверяет гипотезу.

Я прихожу в библиотеку в час дня — между лекциями, сорок минут свободных — и иду прямо в исторический отдел. Тень следует за мной по пятам, хотя в библиотеку котов, судя по всему, не пускают. Тень об этом не знает. Или знает — и специально не замечает.

Первая книга: «Полный каталог магических дарований Альдора, том второй, расширенное издание». Хороший заголовок, многообещающий. Открываю оглавление — есть всё, вплоть до «малых дарований сельских линий». Ищу «н»: «направленный дар», «неактивный дар», «ночное зрение» — дальше сразу «о». Нет нулевых. Нет пробела, нет «см. также», нет ничего. Просто — нет.

Вторая книга: «История магических родов Альдора, главы 1-15». Ищу упоминания об истреблении какого-либо дара. Нахожу главу про «Великое разделение» — раскол двести лет назад. Причины: «расхождение в методологии», «политические противоречия», «несовместимые интерпретации магической природы». Три строки, потом — «мирное урегулирование, подробности утрачены». Подробности утрачены. Само собой.

Третья книга: «Редкие и исчезнувшие дары: практическое руководство для архивариусов». Вот это уже интереснее.

Открываю посередине, листаю — «дар предвидения», «дар мирного убеждения», «дар изменения формы (частичный)». Добираюсь до раздела «Дары, более не фиксируемые». И нахожу:

«Поглощение. Дар, зафиксированный в исторических источниках до периода, известного как...»

Страница обрывается.

Не вырвана — оборвана. Прямо в середине предложения, по буквам «из», будто кто-то тянул и не рассчитал. Следующая страница — уже «Дары малых линий, глава вторая». Между ними — пусто.

Я смотрю на это «из» в конце страницы. Смотрю долго. Потом смотрю на Тень — он сидит на полке рядом с той самой книгой и смотрит на страницу вместе со мной, с выражением, которое у кота означает или сочувствие, или «я знаю продолжение, но не скажу».

— Поглощение, — говорю я тихо.

Тень моргает.

— Он сказал «берёт». Что я «беру» его силу. Это и есть поглощение.

Кот закрывает глаза. Это либо согласие, либо он засыпает. С ним иногда трудно различить.

Я кладу книгу обратно. Берусь за следующую — «Магия и власть: социальная история Альдора». Ищу любое упоминание о «гасителях», о «нулевых», о любом слове, которое могло бы обозначать человека без магии. Или с магией на-

оборот. Нахожу одно предложение в сноске к главе о реформах двухсотлетней давности: «Была также проведена зачистка ряда нелегитимных магических практик, не оставивших следа в официальных хрониках». Всё. Сноска семнадцать к главе пятой. Нелегитимных практик.

Я не практика. Я человек.

Я сижу за столом и смотрю в стену, за которой что-то такое, чего я не вижу, но чувствую краем, как чувствуешь сквозняк через закрытую дверь. Ректор у портала. Амулеты, которые не работают. Альдра с её «бегайте быстрее». Дариан с его «берёт». И Тень, который сидит рядом со мной уже двести лет условных — и ждёт. Чего?

— Вы ищете что-то конкретное?

Голос сзади — спокойный, без особой интонации. Я не вздрагиваю, потому что за три недели научилась не вздрагивать рефлекторно. Поворачиваюсь.

Альдра стоит между полками с небольшой стопкой книг под мышкой. Серые волосы, прямая осанка, взгляд человека, который видит больше, чем спрашивает. Она смотрит на стол — на раскрытый «Редкий каталог», на страницу с оборванной строкой, на Тень, который на полке делает вид, что просто отдыхает.

— Историю, — говорю я.

— Вижу. — Она кладёт свои книги на соседний стол и садится напротив меня. Не рядом, не небрежно — именно напротив, с намерением. — Какую именно?

— Ту, которой нет в каталогах.

Молчание. Библиотека вокруг нас живёт своей жизнью — где-то скрипит стул, шелестит страница, кто-то шёпотом переговаривается в соседнем ряду. Альдра смотрит на меня.

— Страницы вырваны, — говорю я. — Не в одной книге. В нескольких. Всегда в одних и тех же местах.

— Это заметный факт.

— Вы знали?

— Я заметила. — Она чуть наклоняет голову. — Три года назад. Тогда их было меньше. Сейчас больше.

Это звучит как «кто-то планомерно чистит», и мы обе это слышим.

— Что я ищу? — спрашиваю я прямо. — Вы понимаете, что именно. Дайте мне слово.

Альдра смотрит на меня долго — тем взглядом, которым смотрят, когда решение уже принято, но его проверяют на прочность последний раз.

— Нулевые, — говорит она наконец. Тихо. Одно слово, произнесённое без интонации, как произносят то, у чего нет безопасного звучания.

Воздух между нами меняется.

— Это слово? — спрашиваю я.

— Одно из нескольких. В разные эпохи — разные названия. «Гасители» в эпоху Разделения. «Живые щиты» — раньше, при старых королях. «Нулевые» — это современный термин. Неофициальный. Из тех, что не произносят вслух.

Я смотрю на оборванную строку в книге. «Поглощение. Дар, зафиксированный в исторических источниках до периода, известного как...»

— До периода, — повторяю я. — До какого именно?

— Мятежа Гасителей. — Альдра складывает руки на столе. Спокойный жест человека, который давно принял решение и теперь просто его выполняет. — Двести лет назад. Публично — их обвинили в попытке уничтожить магию. Официально — уничтожили их самих. Вместе с документами, упоминаниями, любыми следами в хрониках.

— А неофициально?

— Неофициально — это не мне говорить здесь. — Она смотрит на меня ровно. — Не потому что я не знаю. А потому что это не та информация, которую стоит получать в библиотеке в час дня.

Я понимаю, что это значит. Другое место, другое время, другой контекст. Разговор без свидетелей.

— Хорошо, — говорю я.

— Воронова. — Она встаёт, подбирает свои книги. — То, что вы ищете — этого не существует в официальных источниках. Это намеренно. Понимаете?

— Понимаю.

— Значит, вопрос не «найти информацию в книге». Вопрос другой.

— Какой?

— Зачем вам это нужно, — говорит она. — И что вы бу-

дете делать, когда найдёте.

Она уходит между полками. Тень провожает её взглядом — долгим, внимательным, совсем не кошачьим по интенсивности. Как будто узнал кого-то.

Я сижу ещё несколько минут. Потом смотрю на кота.

— Она знает, кто я, — говорю я тихо.

Тень моргает — медленно, один раз.

— Ты тоже знаешь.

Кот смотрит на меня. В зелёных глазах — что-то, что я назвала бы подтверждением, если бы не боялась приписывать котам слишком много. Но Тень — это не просто кот. Это я уже поняла.

Сорок минут заканчиваются. Я собираю сумку. Напоследок листаю «Редкий каталог» от начала до конца — не потому что ожидаю найти новое, а потому что думаю лучше, когда руки заняты. На последней странице — штамп академии и дата последней сдачи: двадцать два года назад. Эта книга не выходила из библиотеки больше двадцати двух лет.

Страница была оборвана давно.

— --

Вечером я иду к Мире — не чтобы рассказать, а чтобы не думать об этом в одиночку. Мира — человек с инстинктом «помоги», с нулевым уровнем злого умысла и неожиданно высоким уровнем практической мудрости.

— Альдра, — говорю я. — Что ты о ней знаешь?

Мира откладывает конспект.

— Много. Она здесь дольше всех. Дольше некоторых стен, шутят студенты старших курсов. Знает всё, что происходило в Эверхолле.

— Она читала запрещённые книги?

Мира смотрит на меня с выражением человека, который отмечает вопрос и не комментирует.

— Говорят, — осторожно. — Не официально. В молодости занималась историей «запечатанного периода». Её за это не наказали — потому что она ничего не публиковала.

— Почему не публиковала?

— Потому что понимала, что будет, если опубликует. — Мира смотрит на меня внимательно. — Алис. Зачем тебе это?

— Исторический интерес.

— У тебя нет исторического интереса к академической истории Альдора. Ты три недели назад не знала, что магия существует.

Это справедливо.

— Тогда назовём это инстинктом выживания. Я привыкла понимать среду, в которой нахожусь.

Мира молчит секунду. Потом кивает — медленно.

— Альдра — безопасный человек, — говорит она наконец. — Насколько кто-то в этой академии бывает безопасным. За двадцать лет — ни одного случая, когда она подставила студента. И ещё: она единственная, кто читает лекции без единого упоминания ректора в списке источников. Все

остальные преподаватели его цитируют. Она — нет.

Я отмечаю это.

Тень, устроившийся у окна, открывает один глаз и смотрит на меня с видом существа, у которого мнение есть, но оно его при себе оставит.

Полка с вопросами снова пополнилась. Но теперь на ней есть первый настоящий ответ — маленький, обрывочный, как та страница с «из», — и он называется: нулевые существовали. Их уничтожили намеренно. Альдра знает почему. И кто-то, очень аккуратно, последние три года убирает из библиотеки всё, что могло бы это доказать.

Мне не нравится то, что следует из этого вывода.

Я смотрю на Тень.

— Ты ждал двести лет, — говорю я тихо. — Ждал именно меня.

Кот смотрит в окно. Осенний двор, первые жёлтые листья на парапете, ворона, которая уже стала привычной деталью пейзажа. Обычный вечер.

— Тогда у меня вопрос, — говорю я. — Что именно ты ждал?

Тень не отвечает. Но в этот раз я готова поклясться, что в изгибе его спины есть что-то, похожее на «ты уже знаешь, просто ещё не разрешила себе это вслух».

Я знаю. Мне просто нужно ещё немного времени, чтобы принять то, что это означает для меня.

Для всех нас.

Глава 10. Бал, на котором всё пошло не по плану

О бале осеннего равноденствия мне говорят за три дня.

Мира говорит с видом человека, который не может поверить, что я ещё не знала.

— Ежегодный бал. Традиция с основания академии. Обязательно для всех студентов, — перечисляет она, пока мы идём из трапезной. — Парадная форма или вечерний наряд — по выбору. Зал украшают так, что...

— Стоп, — говорю я. — «Вечерний наряд».

— Да.

— У меня нет вечернего наряда.

Мира смотрит на меня.

— Совсем?

— Я прибыла через порталный сбой с рюкзаком и ключами от московской квартиры. Вечернего наряда в комплект не входило.

Она моргает. Потом произносит:

— Хорошо. Мы это решим.

«Мы это решим» оборачивается двумя часами в закутках академического магазина при хозяйственном корпусе — места, о существовании которого я не подозревала. Там обнаруживается примерно всё, включая одежду на случай офи-

циальных мероприятий. Мира перебирает вешалки с энергией человека, которому дали задачу и сроки.

Я стою у зеркала и чувствую себя персонажем сцены, которую уже видела в десятках романов — примерка перед балом, преобразование, все дела. Разница в том, что в романах героиня обычно знает, чего хочет. Я хочу, чтобы никто не смотрел в мою сторону. Это, к сожалению, реалистичной опцией не является.

Мира останавливается на тёмно-синем платье — простом, без магических украшений, с открытыми плечами.

— Вот, — говорит она. — Это тебе.

— Почему?

— Потому что остальные платья с магической отделкой. Она светится, пульсирует, меняет цвет. Это красиво. Но я не знаю, как отделка поведёт себя на тебе.

Я смотрю на платье. Мира смотрит на меня. Мы обе думаем об одном и том же — о том, что амулеты на мне «глючат», и что «магическая отделка» в подобных условиях может повести себя непредсказуемо.

— Тёмно-синее, — соглашаюсь я.

— --

Зал осеннего равноденствия — это пространство, которого, кажется, не существует в академии в обычное время. Он где-то между башнями, за дверями, которые открываются только раз в году, и внутри — потолок в два этажа, увитый живыми гирляндами из осенней листвы, магические огни в

форме золотых искр, зависших неподвижно в воздухе, и музыка, которую играют, кажется, сами стены.

Я стою у входа и думаю: в Москве такого нет. Потом думаю: это нечестное сравнение.

— Ты выглядишь нормально, — говорит Мира рядом.

— Спасибо за «нормально».

— Это комплимент. «Нормально» значит «не привлечешь внимания».

— Это именно то, чего я хотела.

Мира смотрит куда-то через зал — туда, где у дальней стены уже стоит несколько студентов старших курсов, — и чуть улыбается.

— Не уверена, что получится, — говорит она.

Я прослеживаю её взгляд. Ничего особенного — группа, разговор, бокалы с чем-то золотистым. Потом немного левее, у колонны — и там: Дариан. В чёрном — парадный вариант академической формы аспиранта, без единого лишнего элемента, строго и безупречно, и именно поэтому оглушительно. Рядом Кай — в тёмно-красном, с той лёгкой небрежностью человека, которому любой наряд к лицу. Они разговаривают с кем-то, Кай смеётся, Дариан слушает с видом человека, присутствующего по обязанности.

Потом Дариан смотрит в мою сторону.

Не в поисках, не специально — просто взгляд, который обходит зал, как обходят помещение, когдаходишь, — и останавливается. На секунду. Потом уходит обратно к себе.

седнику.

Я смотрю в другую сторону.

— Нормально, — говорю я Мире.

— --

Кай находит меня через двадцать минут.

Я уже успела взять бокал с тем золотистым (ненастоящее вино, что-то магическое, сладкое, совершенно неопасное, как мне объяснила Мира), переговорить с двумя студентами с курса по основам стихийных потоков и убедиться, что Тервина в зале не видно, что делает вечер значительно приятнее.

— Алиса, — говорит Кай, появляясь из толпы с видом человека, у которого всегда найдётся повод появиться. — Ты сегодня выглядишь так, что у меня непростительно мало поводов держаться на расстоянии.

— У тебя никогда не было поводов держаться на расстоянии, — говорю я. — Ты просто их игнорировал.

— Верно. — Он смеётся. — Это работало?

— На меня? Нет.

— Жаль. — Он берёт бокал у соседнего стола и чокается с моим. — Зато это работает иначе.

— Как именно?

Он бросает быстрый взгляд куда-то мне за плечо. Я не оборачиваюсь — я уже примерно понимаю, куда.

— Иначе, — повторяет он с тем выражением, которое означает «ты всё правильно поняла».

Я думаю: Кай флиртует, чтобы позлить Дариана. Это очевидно уже три встречи. Менее очевидно то, почему это должно злить Дариана. Теоретически — «студент под кураторством», зона ответственности. На практике — я видела, как он реагировал после случая в западном дворе, и это было не похоже на тревогу куратора о подопечном.

— Танцуй со мной, — говорит Кай.

— Я не умею танцевать.

— Здесь не нужно уметь. Магия пола подхватывает. Нужно просто позволить.

Я смотрю на него.

— Магия пола.

— Буквально. Встроенная. Работает на равенство. — Он протягивает руку. — Клянусь, ты не упадёшь.

Я думаю: в Москве, если бы мне предложили потанцевать «потому что магия пола», я бы вежливо отказала. Здесь, в Эверхолле, где всё остальное тоже работает примерно так же — почему нет.

Беру его руку.

Он прав: магия пола — это буквально. Стоит ступить на танцевальную площадку, как что-то подхватывает — не физически, а скорее как подсказка, как интуиция о том, куда поставить ногу и когда. Я не танцую — но танец происходит. Это странно приятно.

Кай ведёт легко, без усилий, с той природной грацией человека, которому это не стоит ничего.

— Ты нашла то, что искала? — спрашивает он вдруг.

— В каком смысле?

— Говорят, ты провела час в историческом отделе библиотеки. С Альдрой.

Я смотрю на него.

— Говорят? Уже?

— Академия маленькая. — Он чуть улыбается. — Я не спрашиваю о деталях. Просто — нашла?

— Нашла вопросы, — говорю я. — Это, наверное, тоже прогресс.

Он кивает — серьёзнее, чем обычно.

— Альдра — хороший человек, — говорит он. — Я имею в виду действительно. Не «безопасный для академических целей». По-настоящему хороший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.